

ДЭН
СИММОНС

ДЕТИ НОЧИ

Дейл Стюарт / Майкл О'Рурк

ДЭН СИММОНС

Дети ночи

«Издательство АСТ»

1992

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Симмонс Д.

Дети ночи / Д. Симмонс — «Издательство АСТ», 1992 — (Дейл
Стюарт / Майкл О'Рурк)

ISBN 978-5-17-134419-1

Неуютный, выморочный мир – Румыния после падения режима Чаушеску. Нищая, голодная, стыдящаяся сама себя страна, где ближайшие соседи не доверяют друг другу, где покупается и продается все – убеждения, совесть, дети. Случайные союзники, ирландский священник Майкл О'Рурк и американский врач Кейт Нойман, сталкиваются здесь не только с человеческим злом, но и с инфернальными силами, уходящими корнями в мрачные тайны Средневековья.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-134419-1

© Симмонс Д., 1992
© Издательство АСТ, 1992

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	34
Глава 10	39
Глава 11	44
Глава 12	49
Сны крови и железа	52
Глава 13	55
Глава 14	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Дэн Симмонс

Дети ночи

Dan Simmons

CHILDREN OF THE NIGHT

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

© Dan Simmons, 1992

© Перевод. В. Малахов, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Симмонс не просто честно излагает свою версию произошедшего, он делает это на 100 % правдоподобно. Это первая прочитанная мною книгу автора, но теперь уж точно не последняя!

Обычно я никогда не забегаю вперед, чтобы узнать окончание истории, но, читая эту книгу, я так волновался о судьбе героя, что не устоял.

Любая история про вампиров – особенный жанр, который стремится скорее слегка сфальшивить, чем сохранить в неприкосновенности своим первоначальные мифологические корни. Симмонс же, сохраняя эти самые корни, добавляет... реализма. Представьте себе треугольник: верхний угол – «Дракула» Брэма Стокера, левый угол – «Жребий Салема» Стивена Кинга, а правый – «Дети ночи».

Отзывы с [goodreads.com](https://www.goodreads.com)

Глава 1

Мы вылетели в Бухарест почти сразу же, как закончилась стрельба, и приземлились в аэропорту «Отопени» вскоре после полуночи 29 декабря 1989 года. Нашу группу из шести человек, составлявших полуофициальный Международный наблюдательный контингент, встретили возле моего самолета «Лир». Для меня к трапу подкатили инвалидное кресло, но я отмахнулся и дошел до микроавтобуса сам, что было непросто. Нас провели через толчею, которая с начала румынской революции считалась таможней, а затем посадили в микроавтобус Национального бюро по туризму, предназначенный для особо важных лиц. Нам предстояла девятимильная поездка до города.

Встречавшая нас Донна Уэкслер из американского посольства показала на два пулевых отверстия в стене, возле которой стоял микроавтобус, но все и думать об этом забыли, когда проезжали по кольцевой развязке, соединяющей аэропорт с шоссе, и доктор Эймсли просто показал в окно.

Вдоль основного проезда, где в обычных условиях стояли бы такси, расположились танки советского образца, длинные стволы которых были направлены в сторону въезда на территорию аэропорта. Шоссе и крышу здания аэропорта обрамляли мешки с песком, а натриевые лампы желтоватым светом освещали каски и оружие солдат-охранников, оставляя в тени их лица. Другие люди – кто в форме регулярной армии, кто в пестрой одежде революционной милиции – спали возле танков. На какое-то мгновение создалась полная иллюзия, будто все дорожки усеяны трупами румын, и я затаил дыхание, медленно выдохнув лишь после того, как один из «трупов» потянулся, а другой закурил сигарету.

– На прошлой неделе они отбили несколько контратак войск режима и сил секуритате, – шепнула Донна Уэкслер. По ее тону было ясно, что для нее это волнующая тема.

Раду Фортунa, маленький человечек, торопливо представленный нам возле аэропорта в качестве гида и уполномоченного переходного правительства, повернулся на своем сиденье и широко улыбнулся, словно его нимало не трогало происходящее.

– Они убивать много секуритате, – громко сказал он, улыбнувшись еще шире. – В три раза больше людей Чаушеску пытались взять аэропорт... В три раза больше их убили.

Уэкслер кивнула и натянуто улыбнулась, явно почувствовав себя не в своей тарелке. Доктор Эймсли перегнулся через проход. Отблеск последней натриевой лампы осветил на несколько секунд его лысину, а потом мы въехали в темноту пустого шоссе.

Я увидел только слабый отсвет улыбки румына во внезапно наступившей темноте.

– Чаушеску конец, да-да, – подтвердил он. – Вы знаете, они взяли его и эту его суку жену в Тырговиште... сделать... как вы это называть?... суд.

Раду Фортунa опять засмеялся, и смех его звучал одновременно и по-детски, и жестоко. Меня слегка знобило. Автобус не отапливался.

– Они делать суд, – продолжал Фортунa, – и прокурор говорить: «Вы оба сумасшедшие?» Понимаете, если Чаушеску и миссис Чаушеску сумасшедшие, тогда, может быть, армия просто отправить их в психушку на сто лет, как делают наши русские друзья. Понимаете? Но Чаушеску говорить: «Что? Что? Сумасшедшие... Как вы сметь! Это грязная провокация!» А его жена, она говорить: «Как вы можете такое говорить Матери вашего народа?» Тогда прокурор говорить: «О'кей, никто из вас не сумасшедший. Вы сами сказать». И тогда солдаты, они тянуть соломинки – так много хотеть это сделать. Потом счастливы выводить обоих Чаушеску во двор и стреляют им в головы много раз. – Фортунa довольно хохотнул, будто вспомнил любимый анекдот. – Да, режиму конец, – сказал он доктору Эймсли. – Может быть, несколько тысяч секуритате, они этого еще не знают и продолжать стрелять в людей, но это скоро закончится.

Проблема побольше: что делать с каждым третьим человеком, который шпионить для старого правительства, а?

Фортуна снова хохотнул, и в свете фар неожиданно появившегося встречного армейского грузовика я увидел, как он пожал плечами. Стекла с внутренней стороны начали покрываться изморозью. Руки у меня заоченели, и я почти перестал ощущать пальцы ног в нелепых туфлях, которые надел утром. Когда мы въехали в город, я процарапал дырочку в инее на стекле.

– Я знать, что все вы очень важные люди с Запада, – сказал Раду Фортуна. Изо рта у него – словно покидающая тело душа – вырвалось и поднялось к потолку салона туманное облачко. – Я знать, вы знаменитый западный миллиардер, мистер Вернор Дикон Трент, который платить за этот визит, – он кивком показал на меня, – но я бояться забыть некоторые имена.

Донна Уэкслер всех представила:

– Доктор Эймсли от Всемирной организации здравоохранения... Отец Майкл О'Рурк представляет здесь одновременно Чикагскую епархию и Фонд спасения детей.

– Ага, хорошо иметь здесь священник, – заметил Фортуна, и в его голосе мне послышалось что-то вроде иронии.

– Доктор Леонард Пэксли, заслуженный профессор Принстонского университета, – продолжала Уэкслер. – Лауреат Нобелевской премии за 1978 год в области экономики...

Фортуна поклонился престарелому лауреату. Пэксли не проронил ни слова во время полета из Франкфурта, а сейчас казался потерянным в необъятном пальто и складках шарфа; он походил на старика, ищущего скамейку в парке.

– Мы приветствовать вас, – сказал Фортуна, – хоть у нас в стране и нет экономики в настоящее время.

– Черт возьми, неужели здесь всегда такой холод? – послышался голос из недр шерстяных складок. Нобелевский лауреат и заслуженный профессор топнул маленькой ножкой. – Холодина такая, что и у бронзового бульдога кое-что отмерзло бы.

– ...Мистер Карл Берри, представляющий АТТ – Американскую телеграфную и телефонную компанию... – торопливо продолжала Уэкслер.

Сидевший рядом со мной коротышка бизнесмен вынул трубку изо рта, выпустил вверх струю дыма и, кивнув в сторону Фортуны, опять принялся курить, будто трубка была необходимым источником тепла. Передо мной на мгновение мелькнуло нелепое видение: все семеро сидящих в этом автобусе сбились в кучу вокруг тлеющих в трубке Берри угольков.

– ...И вы сказали, что помните нашего спонсора, мистера Трента, – закончила Уэкслер.

– Да-а-а, – протянул Раду Фортуна. Глаза его блеснули, когда он посмотрел на меня сквозь дым трубки Берри и облачко пара от собственного дыхания. Я почти разглядел свое отражение в его сверкнувших зрачках: некий очень старый человек с глубоко посаженными глазами, еще более ввалившимися после утомительной поездки, с каким-то скособоченным телом, облаченным в дорогие костюм и пальто. Уверен, что на вид я был старше Пэксли, старше Мафусаила... старше самого Господа Бога.

– Кажется, вы уже бывать в Румыния? – спросил Фортуна.

Я обратил внимание на неестественный блеск глаз нашего гида, когда мы въехали в освещенную часть города. Сразу после войны мне довелось побывать в Германии. Сейчас картина, открывавшаяся из окна впереди Фортуны, напоминала увиденное там. На Дворцовой площади стояло множество танков, черные громады которых могли бы показаться безжизненными грудами холодного металла, если бы башня одного из них не повернулась вслед нашему микроавтобусу, когда мы проехали мимо. Были здесь и покрытые копотью останки автомобилей, и по крайней мере один бронетранспортер, представлявший собой всего лишь гору обугленного железа. Повернув налево, мы миновали Центральную университетскую библиотеку. Ее золоченый купол и затейливая крыша обрушились в пространство между испачканными сажей, выщербленными стенами.

– Да, – ответил я. – Я бывал здесь раньше.

Фортуна наклонился в мою сторону:

– А может быть, на этот раз одна из ваших корпораций будет открывать здесь завод, а?

– Может быть.

Его взгляд неотступно следил за мной.

– Мы здесь очень дешево работать, – шепнул он так тихо, что я сомневаюсь, слышал ли его кто-нибудь еще, кроме Карла Берри. – Очень дешево. Работа здесь очень дешевый. Жизнь здесь очень дешевый.

Мы свернули налево с пустынной площади Виктории, потом еще раз, но уже направо, на бульвар Николае Бэлческу, и вот наш микроавтобус со скрипом остановился перед самым высоким зданием города – двадцатидвухэтажным отелем «Интерконтиненталь».

– Утром, господа, – сказал Фортуна, поднимаясь и показывая рукой в сторону освещенного вестибюля, – мы будем смотреть новую Румынию. Желаю вам сна без сновидений.

Глава 2

Весь следующий день наша группа потратила на встречи с «официальными лицами» переходного правительства, в основном членами недавно созданного Фронта национального спасения. День был настолько сумрачным, что включилось автоматическое уличное освещение вдоль широких бульваров Бэлческу и Республики. Здания не отапливались или, по крайней мере, этого не ощущалось. Те мужчины и женщины, с которыми мы разговаривали, выглядели практически одинаково в своих не по росту больших однообразных шерстяных пальто тусклых расцветок. К концу дня мы успели переговорить с каким-то Джуреску, двумя Тисманияну, одним Боросойю (который, как в конце концов выяснилось, не имел никакого отношения к новому правительству и был арестован почти сразу же после нашего ухода), несколькими генералами, в том числе с Попеску, Лупоем и Дьюржу, и, наконец, с истинными руководителями, среди которых были Петре Роман, премьер-министр переходного правительства, а также Ион Илиеску и Думитру Мазилу, президент и вице-президент при режиме Чаушеску.

Все они высказывали одну и ту же мысль: «Мы несем ответственность за нацию, и любые рекомендации для наших учреждений и организаций будут восприняты с бесконечной благодарностью». Официальные лица обращались ко мне с величайшим почтением, потому что не только знали мое имя, но и представляли себе объемы стоявших за мной капиталов. Тем не менее даже это подобострастное внимание носило оттенок какой-то растерянности. Они напоминали лунатиков среди хаоса.

Возвращаясь в тот вечер в «Интерконтиненталь», мы видели, как толпа – в основном из конторских работников, уже покинувших свои каменные ульи в центре города, – била и пинала троих мужчин и женщину. Раду Фортуна ухмыльнулся и показал на широкую площадь перед отелем.

– Вон там... на Университетской площади на прошлой неделе... когда люди выходить на демонстрацию и петь – знаете? Армейские танки давить людей, еще больше стрелять. Эти, наверное, информаторы секуритате.

Прежде чем микроавтобус остановился перед отелем, мы заметили, как солдаты в форме уводили, подгоняя прикладами автоматов, предполагаемых информаторов, а толпа сопровождала их плевками и пинками.

– Нельзя сделать омлет, не разбив яйца, – пробормотал наш заслуженный профессор. Отец О'Рурк стрельнул в него взглядом, а Раду Фортуна поощрительно хохотнул.

– Мы думали, Чаушеску лучше приготовился к осаде, – сказал после ужина доктор Эймсли. Мы оставались в ресторане, поскольку здесь, казалось, было теплее, чем в наших номерах. По большому залу бесцельно бродили официанты и несколько военных. Репортеры управились с ужином быстро, издавая при этом максимум шума, и вскоре отправились в какое-то другое место, куда обычно ходят напиваться и говорить друг другу циничные вещи.

Раду Фортуна присоединился к нам, когда подавали кофе, и сейчас он обнажил в фирменной улыбке щербатые зубы.

– Вы хотите видеть, как Чаушеску готовится?

Доктор Эймсли, отец О'Рурк и я кивнули в знак согласия. Карл Берри решил пойти в свой номер, чтобы дожидаться там звонка из Штатов, а за ним последовал доктор Пэксли, бормоча под нос, что нужно пораньше лечь спать. Фортуна вывел нас троих на холод и по темным улицам повел к закопченным стенам президентского дворца. Из тени появился ополченец, поднял ствол своего «АК-47» и окликнул нас лающим голосом, но Фортуна что-то спокойно сказал, и всех пропустили.

Во дворце не было света, не считая случайных огоньков в огромных, раскиданных повсюду бочках, в которых спали или сбились в кучу, чтобы согреться, солдаты и ополченцы.

Кругом поломанная мебель, с окон двадцатифутовой высоты содраны портьеры, пол усеян бумажками, а строгий кафель испещрен темными полосами. Фортуна провел нас по узкому залу, через ряд комнат жилого вида и остановился перед чем-то вроде стенного шкафа без каких-либо пометок на дверцах. Внутри шкаф площадью фута в четыре оказался пустым, если не считать трех фонарей на полке. Фортуна зажег фонари, протянул один из них Эймсли, а другой мне, после чего прикоснулся к окантовке в верхней части задней стенки. Панель медленно сдвинулась в сторону, открывая каменную лестницу.

– Мистер Трент, – заговорил Фортуна, глядя на мою трость и трясущиеся руки старого человека. Свет фонаря отбрасывал на стены дрожащие тени. – Здесь много ступеней. Может быть... – Он потянулся к фонарю.

– Ничего, справлюсь, – буркнул я сквозь зубы. Фонарь остался у меня.

Раду Фортуна пожал плечами и повел нас вниз.

Следующие полчаса прошли как во сне, почти вне реальности. Лестница спускалась в гулкие подземелья, откуда расходился лабиринт каменных тоннелей и других лестниц. Когда Фортуна вел нас по этому лабиринту, свет фонарей отражался от сводчатых потолков и гладких стен.

– Бог ты мой, – пробормотал Эймсли минут через десять ходьбы, – это тянется на мили.

– Да-да, – улыбнулся Раду Фортуна. – На много миль. Здесь были складские помещения с автоматами на полках и висящими на крюках противогазами; командные пункты с радиостанциями и выглядывающими из темноты телемониторами, причем некоторые из них были разбиты, будто некие сумасшедшие с топорами вымещали на них ярость, а другие – все еще под прозрачными пластиковыми чехлами – ожидали только операторов, которые бы их включили; были здесь и казармы с койками, печками и керосиновыми обогревателями, вызвавшими у нас зависть. Некоторые помещения оставались практически нетронутыми, другие явно были исходным пунктом панического бегства или местом не менее панических перестрелок. Стены и пол одного из таких бункеров были заляпаны кровью, потеки которой при свете наших фонарей выглядели скорее черными, чем бурыми. В дальних уголках тоннелей еще оставались трупы: одни плавали в лужах крови, стекавшей из люков сверху, другие валялись за наспех сооруженными на перекрестках подземных улиц баррикадами. Под каменными сводами пахло, как в лавке мясника.

– Секуритате, – сказал Фортуна и плюнул на тело в коричневой рубашке, лежавшее ничком в подернутой ледком луже. – Они разбегаться здесь, как крысы, и мы кончать их, как крыс. Понимаете?

Отец О'Рурк присел на корточки рядом с одним из трупов и склонил голову. Он довольно долго оставался в таком положении, а потом перекрестился и поднялся. Я вспомнил, как кто-то говорил, что этот бородатый священник был во Вьетнаме.

– Но Чаушеску не стал скрываться в этом... укреплении? – спросил доктор Эймсли.

– Нет, – улыбнулся Фортуна.

Доктор огляделся.

– Но ради бога скажите почему? Если бы он отсюда руководил вооруженным сопротивлением, то смог бы продержаться несколько месяцев.

Фортуна пожал плечами.

– Я не знаю... Это чудовище, он сбежал на вертолете. Он лететь... так? Летел, да... он летел в Тырговиште, семьдесят километров отсюда... Понимаете? Там другие люди его видеть и его суку жену и сажать в машина. Они ловить.

Доктор Эймсли поднес фонарь к входу в другой тоннель, откуда веяло страшным зловонием, и тут же отдернул руку.

– Но я не понимаю почему... – Фортуна подошел поближе, и резкий свет выхватил из темноты застарелый шрам на его шее, который я заметил только теперь.

– Они говорить, его... советник... Темный Советник... сказал ему не ходить сюда. – Он усмехнулся. Отец О’Рурк посмотрел на румына.

– Темный Советник. Звучит так, будто консультантом у него был сам дьявол.

Раду Фортуна кивнул.

– А что, дьявол сбежал? – хмыкнул доктор Эймли. – Или он среди тех бедолаг, что мы там видели?

Наш провожатый не ответил и вошел в один из четырех тоннелей, расходящихся от этого места. Каменная лестница уходила вверх.

– К Национальному театру, – негромко сказал он, показав рукой. – Он поврежден, но не разрушен. Ваш отель рядом.

Священник, доктор и я начали взбираться по лестнице при свете фонарей, отбрасывавших наши тени на пятнадцать футов вверх по закругленным каменным стенам. Отец О’Рурк остановился и посмотрел вниз, на Фортуну.

– А вы не идете?

Маленький проводник улыбнулся и покачал головой.

– Завтра мы везти вас туда, где все это началось. Завтра мы ехать в Трансильванию.

– Трансильвания... – повторил доктор Эймли. – Убежище Белы Лугоши¹. – Он повернулся, чтобы сказать что-то Фортуне, но маленький человечек уже исчез. Ни звук шагов, ни отсвет фонаря не указывали, по какому из тоннелей он ушел.

¹ Первый исполнитель роли Дракулы в кино.

Глава 3

Полет в Тимишоару, город примерно с трехсоттысячным населением в Западной Трансильвании, на стареньком, восстановленном турбовинтовом «Туполеве», теперь принадлежащем государственной авиакомпании «Таром», доставил нам немало неприятных минут. Власти не позволили передвигаться по стране на моем «Лире». Нам повезло: вылет задержался всего на полтора часа. Большую часть пути мы летели в облаках, а салон самолета не освещался, но это не имело значения, потому что стюардесс не было и никто не надоедал нам предложениями еды или легкой закуски. Доктор Пэксли почти все время ворчал или стонал, но рев двигателей и скрип металла, когда самолет, раскачиваясь и подсакивая, преодолевал восходящие воздушные потоки и грозовые тучи, почти полностью заглушали его жалобы.

Сразу после взлета, за несколько секунд до входа в облака, Фортуна перегнулся через проход и показал в иллюминатор на покрытый снегом остров посреди какого-то озера милях в двадцати к северу от Бухареста.

– Снагов, – сказал он, наблюдая за выражением моего лица.

Глянув вниз, я успел заметить темную церковь, перед тем как облака закрыли вид, и перевел взгляд на Фортуну.

– И что?

– Здесь похоронен Влад Цепеш, – пояснил Фортуна, все еще наблюдая за мной. Он именно так и произнес: «Цепеш».

Я кивнул. Фортуна, несмотря на тусклый свет, погрузился в чтение одного из взятых у нас номеров журнала «Тайм», хотя для меня так и осталось загадкой, как можно читать или просто на чем-то сосредоточиться при такой болтанке. Через минуту сзади ко мне наклонился Карл Берри и шепотом спросил:

– А кто это такой, Влад Цепеш? Кто-нибудь из погибших в боях?

В салоне было так темно, что я едва различал лицо Берри в нескольких дюймах от себя.

– Дракула, – ответил я представителю АТТ. Берри разочарованно выдохнул и, откинувшись на спинку кресла, пристегнулся ремнем, так как болтанка стала нестерпимой.

– Влад Прокалыватель, – прошептал я, ни к кому не обращаясь. Электричество отсутствовало, так что помещение морга охлаждалось самым простым и практичным способом: все высокие окна были распахнуты настежь. Грязные стекла, темно-зеленые стены и сплошная низкая облачность словно поглощали и без того неяркий свет. Однако его вполне хватало, чтобы разглядеть трупы, наваленные на столы и занимавшие чуть ли не каждый дюйм кафельного пола. Чтобы добраться до Фортуну и румынского врача, стоявших в центре помещения, нам пришлось идти круглым путем, осторожно ступая среди босых ног, белых лиц и вздувшихся животов. В длинном зале находилось не менее трехсот-четырёхсот тел...

– Почему эти люди не похоронены? – требовательно спросил отец О’Рурк, прикрывая лицо шарфом. В его голосе звучали гневные нотки. – Ведь после бойни прошла уже по крайней мере неделя, верно?

Фортуна перевел его слова тимшоарскому врачу, который в ответ лишь пожал плечами. Фортуна сделал тот же неопределенный жест.

– Одиннадцать дней, как секуритате это делать, – пояснил он. – Похороны скоро. Э-э... как вы говорить?... власти здесь хотят показать западным журналистам и таким очень важным людям, как вы. Смотрите, смотрите. – Он раскинул руки почти гордым жестом шеф-повара, демонстрирующего накрытые для банкета столы.

Перед нами лежал труп пожилого человека. Кисти рук и ступни у него были ампутированы чем-то не слишком острым. В нижней части живота и на гениталиях виднелись ожоги,

а на груди – открытые раны, напомнившие мне фотографии марсианских рек и вершин, сделанные «Викингом».

Румынский доктор заговорил. Фортуна перевел:

– Он говорить, секуритате играть с кислотой. Понимаете? А вот...

На полу лежала молодая женщина, полностью одетая, если не считать того, что платье на ней было разодрано от груди до промежности. То, что я поначалу принял за еще один слой разрезанных красных тряпок, оказалось окаймленными запекшейся кровью стенками распоротого живота и чрева. На коленях у нее, как отброшенная кукла, лежал семимесячный плод, который мог бы стать мальчиком.

– Сюда, – скомандовал Фортуна и, пробравшись между изуродованными телами, показал рукой. Мальчику было, скорее всего, лет десять. За неделю с лишним пребывания в замороженном помещении его тело раздулось и приобрело окраску крапчатого, с мраморными разводами пергамента; на запястьях и щиколотках еще оставалась колючая проволока. Руки у него были с такой силой скручены за спиной, что плечевые суставы оказались полностью вывернутыми. Веки мальчика облепили мухи, и из-за отложенных ими яиц казалось, будто на глазах у ребенка бельма.

Заслуженный профессор Пэксли издал какой-то звук и шатающейся походкой пошел прочь из зала, едва не наступая на тела, выложенные здесь на обозрение. В какой-то момент мне почудилось, что в штанину профессора вцепилась скрюченная рука какого-то старика.

Отец О’Рурк схватил Фортуну за отвороты пальто, чуть не оторвав маленького человечка от пола.

– Чего ради вы все это нам показываете?!

Фортуна ухмыльнулся.

– Это еще не все, святой отец. Пойдемте.

– Чаушеску называли вампиром, – сказала Донна Уэкслер, прилетевшая позже, чтобы к нам присоединиться.

– Отсюда, из Тимишоары, все и пошло, – проговорил Карл Берри, попыхивая трубкой и оглядывая серое небо, серые здания, серую слякоть на улице и таких же серых людей.

– Здесь, в Тимишоаре, по сути дела, и зрел заключительный взрыв, – продолжала Уэкслер. – В течение какого-то времени молодое поколение становилось все беспокойнее. Воистину, создав это поколение, Чаушеску подписал себе смертный приговор.

– Создав поколение?... – повторил отец О’Рурк хмуро. – Поясните.

Уэкслер объяснила. В середине шестидесятых годов Чаушеску запретил аборт, прекратил импорт противозачаточных средств и объявил, что иметь много детей – обязанность женщины перед государством. Более существенно было то, что правительство выплачивало премии за рождение детей и снижало налоги для семей, выполнявших призыв руководства к повышению рождаемости. Супруги, имевшие менее пяти детей, подвергались штрафам и усиленному налогообложению. Как рассказала Уэкслер, с 1966-го по 1976 год рождаемость повысилась на сорок процентов, причем одновременно резко возросла и детская смертность.

– Вот этот-то избыток молодых людей в возрасте от двадцати и старше к концу восьмидесятых и стал силой революции, – сказала Донна Уэкслер. – У них не было ни работы, ни шансов на высшее образование, ни даже возможности получить приличное жилье. Именно они и организовывали первые акции протестов в Тимишоаре и других местах.

Отец О’Рурк кивнул.

– Ирония судьбы... но похоже на правду.

– Конечно, – продолжала Уэкслер, остановившись у вокзала, – в большинстве крестьянских семей не могли прокормить лишних детей... – Она замолчала, изобразив дипломатическое замешательство.

– И что же происходило с этими детьми? – спросил я.

Вечер еще не наступил, но дневной свет уже перешел в зимние сумерки. Уличные фонари на этом участке центрального проспекта Тимишоары не горели. Где-то вдали на железнодорожных путях загудел тепловоз.

Дама из посольства в ответ покачала головой, но Раду Фортуна подошел поближе.

– Мы поедем на поезде в Себеш, Копша-Микэ и Сигишоару, – сказал улыбающийся румын. – Вы увидите, куда деваться дети.

Зимний вечер за окнами вагона сменился зимней ночью. Поезд шел через горы, неровные, как изъеденные зубы, – тогда я не мог вспомнить, был ли это Фэгэраш или Бучеджи, – и унылая картина беспорядочно разбросанных деревушек и покосившихся ферм пропадала в темноте, лишь иногда озаряемой отсветами керосиновых ламп в далеких окнах. На секунду меня охватило ощущение, что я перенесся в пятнадцатый век, еду по горам в карете в замок на реке Арджеш, спешу через эти перевалы в погоне за врагами, которые...

Вздрыгнув, я вышел из полудремотного состояния. Был канун Нового года, последняя ночь года одна тысяча девятьсот восемьдесят девятого, и с рассветом наступит то, что считается последней декадой тысячелетия. Но за окнами так и оставался пейзаж пятнадцатого века. Единственными признаками современной цивилизации при отъезде вечером из Тимишоары были одинокие военные грузовики на заснеженных дорогах да редкие провода, змеившиеся над деревьями. Потом исчезли и эти скудные напоминания, и остались лишь деревни, керосиновые лампы, холод и случайные телеги на резиновом ходу, запряженные костлявыми лошадьми, да их закутанные в темное сукно возницы. Были пустыми даже улицы деревень, через которые без остановок проскакивал поезд. Я заметил, что некоторые поселки лежат в совершенной темноте, хотя нет еще и десяти вечера, и, придвинувшись поближе к окну и сдвигив иней, увидел, что деревня, по которой мы ехали, была мертвой: снесенные бульдозерами дома, взорванные каменные стены, обрушенные фермы.

– Систематизация, – шепнул Раду Фортуна, до этого сидевший молча через проход от меня. Он грыз луковицу.

Пояснений я не просил, но наш гид и уполномоченный улыбнулся и продолжил:

– Чаушеску хочет разрушить старое. Он ломать деревни, перемещать тысячи людей в города... В места вроде бульвара Победы Социализма в Бухаресте... километры и километры высоких жилых домов. Только дома, они не закончены, когда он переселять людей туда. Нет тепла. Нет воды. Нет электричества... Он продавать электричество в другие страны, вы понимаете. Поэтому люди из деревни, у них здесь маленький домик, жить семьей три, может быть, четыре сотни лет, но теперь жить на девятом этаже плохой кирпичный дом в чужом городе... Нет окна, дуть холодный ветер. Приходится носить воду за милю, потом по лестнице на девятый этаж.

Он откусил от луковицы большой кусок и кивнул почти удовлетворенно.

– Систематизация... – И пошел по задымленному проходу.

Годы уходили в ночь. Я опять задремал, потому что не выспался предыдущей ночью и в самолете вчера тоже не спал... но все же вздрогнул и пробудился, когда рядом со мной уселся профессор Пэксли.

– Чертовски холодно, – шепотом сообщил он, поплотнее закутываясь в шарф. – Можно было надеяться, что от всех этих чертовых крестьян, козлов и цыплят – всего, что есть в этом так называемом вагоне первого класса, – станет немножко теплее. Но тепла здесь не больше, чем в сиське покойной мадам Чаушеску.

Я согласно прикрыл веки.

– На самом деле, – заговорщически прошептал Пэксли, – все не так плохо, как они говорят.

– Вы насчет холода? – спросил я.

– Нет-нет. Насчет экономики. Чаушеску, наверное, единственный в нашем столетии национальный лидер, который действительно выплатил внешний долг своей страны. Конечно, ему приходилось отправлять в другие страны продукты, электроэнергию, товары, но сейчас у Румынии нет внешнего долга. Совсем нет.

– М-м-м, – промычал я, пытаюсь вспомнить обрывки сна, увиденного за несколько секунд дремоты. Что-то насчет крови и железа.

– Положительный торговый баланс в один миллиард семьсот миллионов долларов, – бубнил Пэксли, придвинувшись достаточно близко, чтобы я мог определить, что сегодня на ужин он тоже ел лук. – И они не должны ничего ни Западу, ни русским. Невероятно.

– Но люди голодают, – тихо сказал я.

Напротив нас спали Уэкслер и отец О’Рурк. Бородатый священник что-то бормотал, будто сопротивляясь дурному сну.

Пэксли отмахнулся от моего замечания.

– Вы знаете, сколько немцы собираются инвестировать в модернизацию инфраструктуры на востоке страны, когда произойдет объединение Германии? – Не дожидаясь ответа, он продолжил: – Сто *миллиардов* немецких марок... И это только для того, чтобы запустить машину. А что касается Румынии, то здесь инфраструктура в таком жалком состоянии, что и разрушать-то особо нечего. Просто отказаться от промышленного безумия, которым так гордился Чаушеску, использовать дешевую рабочую силу... Бог ты мой, да они почти крепостные... И строить любую, какую пожелаете, производственную инфраструктуру. Южнокорейская модель, Мексика... открытие возможностей для западной корпорации, которая не хочет упустить свой шанс.

Я сделал вид, что снова задремал, и в конце концов профессор побрел по проходу в поисках кого-нибудь еще, кому бы он мог растолковать экономическую сторону жизни. В темноте мелькали деревни, а мы тем временем забирались все дальше в горы Трансильвании.

В Себеш мы приехали еще до рассвета, и там нас встретил какой-то мелкий чиновник, чтобы доставить в приют.

Нет, «приют» – слишком мягкое слово. Это был пакгауз, отапливавшийся не лучше уже виденных нами мясных складов, ничем не отделанный, если не считать грязных кафельных полов и обшарпанных стен, покрашенных примерно до уровня глаз в тошнотворный зеленый цвет, а выше – в лепрозный серый. Главный зал тянулся не меньше чем на сотню метров. Он был забит кроватками.

И опять слишком деликатное слово. Не кроватками, а низкими металлическими клетками без верха. В клетках находились дети от грудничков до десятилеток. Они казались неспособными ходить. Все были голые или в засаленных лохмотьях. Многие кричали, некоторые тихо плакали, и в воздух поднимался пар от их дыхания. Женщины из персонала с суровыми лицами, в затейливых головных уборах, покуривая сигареты стояли по краям этого громадного скотного двора для человеческих существ, изредка прохаживаясь между клеток, чтобы грубо сунуть бутылочку какому-нибудь ребенку – иногда даже семи-восемилетнему, – но чаще для того, чтобы шлепком призвать ребенка к тишине.

Чиновник и непрерывно курящий администратор «приюта» разразились длинными речами, которые Фортуна не потрудился перевести, после чего нас провели через зал и распахнули высокие двери.

Еще одно, большее, помещение вело в заполненное холодом пространство. Лучи скудного утреннего света освещали клетки и лица тех, кто в них находился. В этом зале, очевидно, было не меньше тысячи детей до двух лет. Некоторые плакали, и их жалкое хныканье эхом отдавалось в выложенном кафелем помещении, но большинство казались слишком слабыми и вялыми даже для того, чтобы плакать, лежа на тонких загаженных подстилках. Некоторые от голода больше походили на зародышей. Другие выглядели мертвыми.

Радуга Фортуна оглянулся и сложил ручки. Он улыбался.
– Видите, куда деваться дети, да?

Глава 4

В Сибиу мы нашли спрятанных детей. В этом центральном городе Трансильвании со семидесятитысячным населением имелось четыре приюта, каждый из которых по сравнению с приютом в Себеше был еще больше и представлял собой еще более печальное зрелище. Доктор Эймсли потребовал, чтобы нас допустили к детям, зараженным СПИДом.

Администратор детского дома номер триста девятнадцать на улице Четаций – старинного сооружения без окон, расположенного под сенью городских стен шестнадцатого века, наотрез отказался признать само существование детей со СПИДом. Он отказался признать наше право вообще заходить в приют. Некоторое время он даже отрицал, что является администратором детского дома номер триста девятнадцать, несмотря на надпись на двери кабинета и табличку на рабочем столе.

Фортуна показал ему наши документы и разрешения-допуски, дополненные личной просьбой о содействии временного премьер-министра Романа, президента Илиеску и вице-президента Мазилу.

Администратор шмыгнул носом, затянулся короткой сигареткой, затем покачал головой и что-то произнес не допускающим возражений тоном.

– Мои приказы идти от Министерства здравоохранения, – перевел Раду Фортуна. Почти час ушел на то, чтобы дозвониться до столицы, но Фортуне в конечном итоге удалось переговорить с премьер-министром, а тот позвонил в Министерство здравоохранения, где пообещали немедленно связаться с детским домом номер триста девятнадцать. Прошло чуть больше двух часов, прежде чем позвонили из министерства; администратор буркнул что-то Фортуне, швырнул окурки на грязный кафель пола, и без того ими усеянный, бросил пару слов санитару и подал Фортуне огромное кольцо с ключами.

Отделение СПИДа находилось за четырьмя последовательно расположенными закрытыми дверями. Здесь не было ни медсестер, ни врачей... вообще никого из взрослых. Не было здесь и кроваток: младенцы и маленькие дети сидели на кафельном полу или боролись за место на одном из полудюжины незастеленных, загаженных матрасов, брошенных у дальней стены. Дети были голыми, с обритыми головами. Комната без окон освещалась несколькими ничем не прикрытыми сорокаваттными лампочками, развешенными через тридцать-сорок футов. Некоторые из малышей сгруппировались в кружках тусклого света, поднимая опухшие глаза вверх, как к солнцу, но большинство лежали в глубокой тени. Когда мы открыли стальную дверь, дети постарше стали на четвереньках разбегаться от света.

Полы раз в несколько дней явно поливались из шланга – на выщербленном кафеле виднелись разводы и потеки, – и это было так же очевидно, как и то, что никакие прочие санитарные мероприятия здесь не проводились. Донна Уэкслер, доктор Пэксли и мистер Берри развернулись и сбежали, не выдержав вони. Доктор Эймсли чертыхнулся и ударил кулаком по каменной стене. Отец О'Рурк сначала просто смотрел – его ирландская физиономия постепенно наливалась яростью, – а потом стал переходить от ребенка к ребенку, прикасаясь к головкам, шепотом разговаривая с ними на непонятном им языке, беря их на руки. Наблюдая за происходящим, я не мог отделаться от мысли, что этих детей никогда не брали на руки и, возможно, к ним даже никогда не прикасались. Раду Фортуна, вошедший в помещение вслед за нами, не улыбался.

– Товарищ Чаушеску нам говорил, что СПИД – капиталистическая болезнь, – шепнул он. – В Румынии нет официальных случаев СПИДа. Ни одного.

– О господи, господи, – бормотал доктор Эймсли, медленно двигаясь по комнате. – У многих из них прогрессирующая стадия СПИДа. А еще они страдают от недоедания и авитаминоза.

Он поднял голову. За стеклами очков на глазах блестели слезы.

– Как долго они здесь находятся?

Фортуна пожал плечами.

– Большинство, наверное, с самого рождения. Родители привозить их сюда. Дети не выходят из этой комнаты, поэтому так мало уметь ходить. Никто не держит их, когда они пытаются.

Доктор Эймсли разразился потоком ругательств, которые, казалось, клубятся в морозном воздухе. Фортуна кивнул.

– Но кто-нибудь зафиксировал документально эти... эту... трагедию? – спросил доктор Эймсли сдавленным голосом.

Теперь Фортуна улыбнулся.

– О да, да. Доктор Патраску из Института вирусологии имени Стефана С. Николау. Он говорит, это происходит три... может быть, четыре года назад. Первый ребенок, что он проверить, был заражен. Я думаю, шесть из следующие четырнадцать тоже болят СПИД. Все города, все государственные детские дома, где он был... много-много больные дети.

Доктор Эймсли оторвался от разглядывания с помощью карманного фонарика-ручки глаз ребенка, находившегося в коматозном состоянии. Медленно выпрямившись, он сгреб Фортуну за отвороты пальто, и какую-то секунду я не сомневался, что Эймсли ударит нашего маленького гида.

– Но скажи, бога ради, парень, он кому-нибудь об этом говорил?

Фортуна равнодушно смотрел на доктора.

– О да, да. Доктор Патраску, он говорит министру здравоохранения. Они говорят ему прекратить немедленно. Они отменяют совещание по СПИД, который доктор планировал... Потом они сжигать его записи и... как вы говорить?... как маленькие планы для собраний... программы. Они конфисковать напечатанные программы и сжигать их.

Отец О'Рурк опустил на пол двухлетнюю девочку. Ее тонкие ручонки потянулись к священнику, и она издавала при этом неясные, требовательные звуки – просьбу опять взять ее на руки. Он поднял ребенка, крепко прижав к щеке ее лысую, неровную головку.

– Будь они прокляты, – шептал священник молитвенным голосом. – Будь проклято это министерство. Будь прокляты эти сукины дети там, внизу. Будь проклят навеки Чаушеску. Чтoб им всем гореть в аду.

Доктор Эймсли глядел на малыша, состоявшего, казалось, из одних ребер и вздутого живота.

– Этот ребенок умер.

Он снова обратился к Фортуне.

– Как это могло случиться? Ведь среди основной массы населения СПИД не мог здесь получить широкое распространение. Или это дети наркоманов?

В глазах доктора я прочел и другой вопрос: откуда столько детей наркоманов в стране, где средняя семья даже на питание не имеет достаточно средств и где хранение наркотиков карается смертью?

– Пойдемте, – сказал Фортуна и повел нас с доктором из обители смерти. Отец О'Рурк остался: он брал на руки и гладил одного ребенка за другим.

Внизу, в «палате для здоровых», отличавшейся от приюта в Себеше только размерами – металлических кроваток-клетушек здесь было не меньше тысячи, – медсестры вяло переходили от ребенка к ребенку, совали им бутылку с жидкостью, напоминающей обезжиренное молоко, а затем, как только ребенок начинал сосать, делали ему укол. Потом сестра вытирала иглу тряпкой, которую носила за поясом, втыкала ее в большой флакон на подносе и делала укол следующему ребенку.

– Матерь Божья, – прошептал Эймсли. – У вас нет одноразовых шприцев?

Фортуна развел руками.

– Капиталистическая роскошь.

Лицо Эймсли приобрело такой багровый оттенок, что я подумал, не хватит ли его сейчас удар.

– А что вы скажете тогда насчет элементарных автоклавов?

Фортуна пожал плечами и спросил что-то у ближайшей сестры. Она коротко ответила и продолжила делать уколы.

– Она говорить, автоклав сломан. Сломался. Послан на ремонт в Министерство здравоохранения, – перевел Фортуна.

– Когда? – прорычал Эймсли.

– Он сломан четыре года, – сказал Фортуна, после того как окликнул поглощенную своим занятием женщину. Отвечая, она даже не обернулась. – Она говорить, что это было за четыре года *до того*, как его отправить для ремонта в прошлом году.

Доктор Эймсли приблизился к ребенку шести-семи лет, посасывавшему бутылочку, лежа в кровати. Смесь по виду напоминала мутно-белую водицу.

– А что это они колют, витамины?

– Да нет, – сказал Фортуна. – Кровь.

Доктор Эймсли замер, потом медленно повернулся.

– Кровь?

– Да-да. Кровь взрослых. Она делает маленькие дети сильными. Министерство здравоохранения одобряет... Они говорить, это очень... как это у вас?... *передовая* медицина.

Эймсли шагнул в сторону сестры, потом – к Фортуне, затем резко развернулся в мою сторону с таким видом, словно убил бы обоих, будь они поближе.

– *Кровь взрослых*, Трент! Господи Иисусе. Да ведь эта теория умерла вместе с газовыми фонарями и котелками. Бог ты мой, неужели они не понимают?...

Он снова повернулся к Фортуне.

– Фортуна, где они берут эту... взрослую кровь?

– Ее жертвовать... нет, не то слово. Не жертвовать – продавать, да. Те люди в больших городах, у которых совсем нет денег, они продавать кровь для детей. Пятнадцать лей за один раз.

Доктор Эймсли издал какой-то хриплый горловой звук, вскоре перешедший во всхлипы. Закрыв глаза рукой, он, пошатываясь, отступил назад и прислонился к тележке, заставленной бутылками с темной жидкостью.

– Платные доноры, – шепотом говорил он сам себе. – Бродяги... наркоманы... проститутки... И это вводят детям в государственных детских домах многократными нестерилизованными шприцами.

Эймсли всхлипывал все громче, затем присел на грязные полотенца, все еще прикрывая глаза рукой. Из груди у него вырвались звуки, похожие на смех.

– Сколько... – начал было он, закашлялся и наконец спросил у Фортуны: – Сколько было инфицированных СПИДом по оценкам этого самого Патраску?

Фортуна нахмурился, напрягая память.

– Думаю, наверное, он найти восемьсот из первые две тысяча. После этого цифры больше.

Держа ладонь козырьком, Эймсли прошептал:

– Сорок процентов. А сколько здесь... вообще детей в приютах?

Наш гид пожал плечами.

– Министерство здравоохранения говорить, может быть, двести тысяч. Я думаю, больше... может, миллион. Может, больше.

Доктор Эймсли не поднимал глаз и ничего не говорил. Его горловые всхлипы становились все громче, и я понял, что это вовсе не смех, а рыдания.

Глава 5

В предвечерние сумерки мы вшестером выехали в северном направлении, в Сигишоару. Отец О'Рурк остался в приюте в Сибиу. По дороге Фортуна собирался сделать остановку в каком-то маленьком городишке.

– Мистер Трент, вам понравится Копша-Микэ. Это для вас мы туда заехать. Продолжая смотреть на проплывающие за окном разрушенные деревни, я спросил:

– Опять приюты?

– Нет-нет. Я хочу сказать, да... в Копша-Микэ есть приют, но мы туда не идем. Это маленький город... шесть тысяч человек. Но это причина вы приехать в нашу страну, да?

Я все же повернулся посмотреть на него.

– Промышленность?

Фортуна засмеялся.

– Ах да... Копша-Микэ очень промышленный город. Как очень многие наши города. А этот так близко от Сигишоары, где родился Темный Советник товарища Чаушеску.

– Темный Советник, – повторил я. – Что за чертовщину вы несете? Хотите сказать, что советником у Чаушеску был Влад Цепеш?

Гид промолчал.

Сигишоара – это прекрасно сохранившийся средневековый город, где даже автомобиль на узких мощеных улочках выглядит чудовищем из другого мира. Холмы вокруг Сигишоары усеяны полуразрушенными башнями и укреплениями, которые по живописности не идут ни в какое сравнение с полудюжиной сохранившихся в Трансильвании замков, выдававшихся впечатлительным туристам с твердой валютой за замки Дракулы. Но старый дом на Музейной площади действительно был местом рождения Влада Дракулы, где он жил с 1431 по 1435 год. Когда я видел этот дом много лет тому назад, наверху был ресторан, а внизу – винный подвал.

Фортуна потянулся и отправился на поиски съестного. Доктор Эймсли, слышавший наш разговор, подсел ко мне.

– Вы верите этому человеку? – шепотом спросил он. – Теперь он готов рассказывать вам страшилки про Дракулу. Господи Иисусе!

Я кивнул и стал смотреть на горы и долины, в серой монотонности проплывавшие за окном. Здесь ощущалась некая первозданность, какой я не встречал нигде в мире, хоть и посетил бесчисленное множество стран. Горные склоны, глубокие расселины и деревья казались бесформенными, искореженными – будто нечто, пытающееся вырваться с картин Иеронима Босха.

– Я бы предпочел иметь дело с Дракулой, – продолжал милейший доктор. – Попробуйте представить, мистер Трент... Если бы мы объявили, что Влад Прокалыватель жив и терзает в Трансильвании людей, тогда... черт возьми... сюда примчались бы десятки тысяч репортеров. Станции спутниковой связи на городской площади в Сибиу стали бы передавать сообщения по всем каналам новостей в Америке. Весь мир затаил бы дыхание от любопытства... Но то, что происходит в реальности, десятки тысяч погибших мужчин и женщин, сотни тысяч детей, брошенных в приюты, где их ждет... Черт возьми!..

Я кивнул, не глядя на него.

– Обыденность зла, – прошептал я.

– Что?

– Обыденность зла. – С мрачной улыбкой я повернулся к врачу: – Дракула стал бы сенсацией. А положение сотен тысяч жертв политического безумия, бюрократизма, глупости – это просто... неудобство.

В Копша-Микэ мы приехали незадолго до наступления темноты, и я сразу же понял, почему это «мой» город. На время полчасовой стоянки Уэкслер, Эймсли и Пэксли остались в поезде; только у Карла Берри и у меня здесь были дела. Фортуна вел нас.

Деревня – для города это поселение было слишком мало – расположилась в широкой долине меж старых гор. На склонах лежал снег, но черный. Черными были и сосульки, свисавшие с крыш. Под ногами, на немощенных дорогах черно-серая слякоть. И все закрывала непрозрачная пелена черного воздуха, будто в свете умирающего дня порхали мириады микроскопических мотыльков. Навстречу шли мужчины и женщины в черных пальто и шалих. Они тащили за собой тяжелые тележки или вели за руку детей, и лица у этих людей были тоже черными. В центре деревни я обнаружил, что мы все пробираемся по слою пепла и сажи толщиной не меньше трех дюймов. Я видел действующие вулканы в Южной Америке и в других местах, где пепел и полночное небо выглядели точно так же.

– Это... как вы это говорить... завод автопокрышек, – сказал Раду Фортуна, показывая рукой в сторону черного промышленного комплекса, напоминавшего разлегшегося дракона. – Он делает черный порошок для резиновые изделия... Работает двадцать четыре часа в сутки. Небо здесь всегда такое... – Он гордым жестом обвел окутавшую все и вся черную мглу.

Карл Берри закашлялся.

– Боже милостивый, как только здесь можно жить?

– Здесь долго не жить, – ответил Фортуна. – Большинство старые люди, как вы и я, у них свинцовое отравление. У маленькие дети... как будет это слово? Всегда кашлять?

– Астма, – подсказал Берри.

– Да, у маленькие дети астма. Младенцы рождаются с сердцами... как вы говорить?... реформированные?

– Деформированными, – поправил его Берри.

Я остановился в сотне ярдов от черных заборов и черных стен завода. Вся деревня казалась черным рисунком на сером фоне. Даже свет ламп не пробивался сквозь закопченные сажей окна.

– Почему это «мой» город, Фортуна? – спросил я.

Он вытянул руку в сторону завода. Линии его ладони уже почернели от сажи, а манжет белой рубашки стал серым.

– Чаушеску уже нет. Завод больше не должен делать резиновые вещи для Восточная Германия, Польша, СССР... Вы хотите делать вещи, которые надо вашей компании? Нет... как вы говорить?... нет структуры по защите окружающей среды... Нет правил, которые запрещать делать вещи так, как вы хотите, и выбрасывать отходы, куда вы хотите. Итак, вы хотите?

Я долго стоял в черном снегу и мог бы стоять еще дольше, но поезд подал гудок, возвещающий об отправлении через две минуты.

– Возможно, – сказал я. – Всего лишь возможно.

Мы побрели по пеплу обратно.

Глава 6

Донна Уэкслер, доктор Эймсли, Карл Берри и наш заслуженный профессор доктор Леонард Пэксли уехали из Сигишоары на ожидавшем их микроавтобусе обратно в Бухарест. Я остался. Утро было хмурым; тяжелые тучи скапливались над долиной, окутывая окружающие хребты колышущейся дымкой. Серые камни городских стен с одиннадцатью каменными башнями слились, казалось, с серыми небесами, плотно накрыв средневековый город куполом мрака. Поздно позавтракав, я залил термос, прошел через площадь старого города и поднялся по древним ступеням к дому на Музейной площади. Железные двери винного подвала были заперты, узкие двери первого этажа плотно закрыты тяжелыми ставнями. Старик, сидевший на скамейке через улицу, сообщил мне, что ресторан не работает уже несколько лет, что власти сначала собирались превратить дом в музей, а потом решили, что зарубежные гости не будут платить валютой за просмотр ветхого дома, хотя бы и того, в котором пять веков назад жил Влад Дракула. Туристы предпочитали большие старинные замки на сотню миль ближе к Бухаресту – замки, построенные столетия спустя после отречения Влада Цепеша.

Я опять перешел улицу, дождался, пока старик покормит голубей и уйдет, и отодвинул массивный брус, запиравший ставни. Оконца в дверях были такими же черными, как душа Копша-Микэ. Я поскребся в стекло, которому минуло несколько веков.

Фортуна открыл дверь и провел меня внутрь. Большинство столов и стульев были навалены на неровную стойку, от них к закопченным потолочным балкам тянулась паутина. Фортуна быстро стащил вниз один стол, установил его на каменном полу в центре помещения, потом смахнул пыль с двух стульев, и мы сели.

– Вам понравилась поездка? – спросил он по-румынски.

– Да, – ответил я на том же языке, – но мне показалось, что вы несколько перегнули палку.

Фортуна пожал плечами. Зайдя за стойку, он протер две оловянные кружки и поставил их на стол. Я кашлянул.

– Признали бы вы во мне члена Семьи – там, в аэропорту, – если б не знали? – спросил я. Мой недавний гид позволил себе ухмыльнуться.

– Конечно.

Я нахмурился.

– Но каким образом? У меня нет акцента, я много лет прожил в Америке.

– Ваши манеры, – сказал Фортуна. Румынское слово будто ненароком слетело с его языка. – Они слишком хороши для американца.

Я вздохнул. Фортуна полез под стол и извлек оттуда бурдюк с вином, но я сделал отрицательный жест и, вытащив термос из кармана пальто, наполнил обе кружки. Раду Фортуна кивнул; выглядел он так же серьезно, как и все три последних дня. Мы сдвинули кружки.

– Skoal, – сказал я.

Питье оказалось очень неплохим; свежим, еще сохраняющим температуру тела. До свертывания, когда появляется привкус горечи, было еще далеко.

Фортуна осушил кружку, вытер усы и одобительно кивнул.

– Ваша компания купит завод в Копша-Микэ? – спросил он.

– Да. Или наш консорциум привлечет к этому европейские инвестиции.

– Вкладчики Семьи будут счастливы, – улыбнулся Фортуна. – Пройдет лет двадцать пять, прежде чем эта страна сможет позволить себе роскошь беспокоиться об окружающей среде... и о здоровье людей.

– Десять лет, – возразил я. – Забота об экологии заразна.

Фортуна сделал жест руками и плечами – особый трансильванский жест, которого я не видел уже много лет.

– Кстати о заразе, – сказал я. – То, как обстоят дела с приютами, иначе как кошмаром не назовешь.

Маленький человечек кивнул. Тусклый свет от двери за моей спиной освещал его лицо.

– Мы не располагаем такой роскошью, как ваша американская плазма или частные донорские банки крови. Государству пришлось позаботиться о запасах.

– Но СПИД... – начал было я.

– Будет локализован. Благодаря гуманным порывам вашего доктора Эймсли и отца О'Рурка. В течение нескольких следующих месяцев американское телевидение будет передавать спецвыпуск в «60 минутах», в «20/20» и во всяких прочих программах, которые появились у вас со времени моей последней поездки. Американцы сентиментальны. Общественность поднимет вой. Потечет помощь от разных организаций и тех богатеев, которым больше нечем заняться. Семьи начнут усыновлять больных детей, платить бешеные деньги за их доставку в Штаты, а местные станции будут брать интервью у матерей, рыдающих от счастья.

Я кивнул. Фортуна продолжал:

– Ваши американские медики, плюс британские, и западногерманские наводнят Карпаты, Бучеджи, Фэгэраш... А мы «обнаружим» еще много приютов и больниц, еще такие же изоляторы. За два года это будет локализовано.

– Но они могут забрать значительное количество ваших... емкостей... с собой, – мягко сказал я. Фортуна улыбнулся и снова пожал плечами.

– Есть еще. Всегда найдется еще. Даже в вашей стране, где подростки убегают из дома, а фотографии пропавших детей помещают на молочных упаковках. Разве не так?

Допив из кружки, я поднялся и шагнул к свету.

– Те времена прошли. Выживание равняется умеренности. Все члены Семьи должны это однажды усвоить. – Я повернулся к Фортуне, и мой голос зазвучал более гневно, чем я ожидал: – Иначе что? Опять инфекция? Рост Семьи, более быстрый, чем рост раковых клеток, более страшный, чем СПИД? Ограничиваясь, мы сохраняем равновесие. Если же продолжать... размножаться, останутся одни охотники без добычи – обреченные на голод, как когда-то кролики на острове Пасхи.

Фортуна поднял руки ладонями вперед.

– Не стоит спорить. Нам это известно. Поэтому Чаушеску пришлось уйти. Поэтому-то мы его и сбросили. Ведь вы ему и отсоветовали идти в тоннель, где бы он добрался до кнопок, с помощью которых мог уничтожить весь Бухарест.

Какое-то мгновение я только смотрел на маленького человечка, а когда я заговорил, голос мой звучал очень устало:

– И все же будете ли вы мне подчиняться? После стольких лет?

Глаза Фортуны ярко блестели.

– О да.

– А вы знаете, почему я вернулся?

Фортуна встал и двинулся в сторону темного коридора, откуда начиналась еще более темная лестница. Он показал наверх и повел меня в темноту, в последний раз исполняя при мне роль гида.

Помещение служило кладовой над рестораном для туристов. Пять веков назад здесь была спальня. Моя спальня.

Другие члены Семьи, которых я не видел уже несколько десятилетий, если не столетий, ждали здесь. Облачением им служили темные одежды, которые использовались лишь для наиболее торжественных церемоний Семьи.

Моя кровать тоже ждала меня. Над ней висел мой портрет, написанный во время заточения в Вышеграде в 1465 году. Я задержался на мгновение, чтобы взглянуть на изображение: на меня смотрел венгерский аристократ: соболий воротник отделан золотой парчой, накидка

застегнута на золотые пуговицы, шелковая шапочка обшита по моде того времени девятью рядами жемчуга и крепится застежкой в форме звезды с большим топазом в центре... Лицо очень знакомое и одновременно поразительно чужое: длинный орлиный нос, зеленые глаза – настолько большие, что кажутся гротескными, широкие брови и еще более широкие усы, слишком большая нижняя губа над выступающим подбородком... Все вместе создавало высокомерный и вызывающий беспокойство образ.

Фортуна меня узнал. Несмотря на годы, на разрушающее действие возраста и произведенные пластическими операциями изменения – несмотря ни на что.

– Отец, – прошептал стоявший у окна старик.

Я всматривался в его лицо, часто моргая от усталости. Мне трудно было точно вспомнить его имя...

Возможно, один из кузенов моих добринских братьев. Последний раз я видел его во время Церемонии более полутора столетий тому назад, когда уезжал в Америку.

Он вышел вперед и робко прикоснулся к моей руке. Я кивнул, достал из кармана перстень и надел его на палец.

Все в комнате преклонили колени. Я слышал хруст и шелканье древних суставов. Добринский кузен встал и поднял к свету тяжелый медальон. Мне был знаком этот медальон. Он представлял собой символ ордена Дракона, тайного общества, появившегося в 1387 году и реорганизованного в 1408-м. Золотой медальон на золотой цепи имел форму дракона, свернувшегося в кольцо, с открытой пастью, растопыренными лапами, поднятыми крыльями; хвост закручивается к голове, а вся фигура переплетается с двойным крестом. На кресте – два девиза ордена: «*O quam misericors est Deus*» («О, как милосерден Господь») и «*Justus et Pius*» («Справедливый и благочестивый»).

Мой отец был посвящен в орден Дракона 8 февраля 1431 года... В тот год, когда я появился на свет. Будучи драконистом, последователем «*draco*», то есть «дракона» по-латыни, он носил этот знак на щите, а также чеканил его на своих монетах. Поэтому мой отец и получил имя Влад Дракула; «*dracul*» на моем родном языке означает «дракон» и «дьявол» одновременно. «*Dracula*» – «сын дракона».

Добринский брат повесил медальон мне на шею. Я ощутил тяжесть золота, тянущего меня вниз. Около дюжины находившихся в комнате мужчин пропели короткий гимн и стали подходить ко мне по одному, чтобы поцеловать перстень, после чего возвращались на свои места.

– Я устал, – сказал я. Голос мой напоминал шорох древнего пергамента.

Тогда они сгрудились вокруг, освободили меня от медальона и дорогого костюма, а затем бережно облачили в льняную ночную рубашку. Добринец отбросил с кровати льняное покрывало. Исполненный благодарности, я лег в постель и откинулся на высокие подушки.

Раду Фортуна придвинулся поближе.

– Ты приехал домой, чтобы умереть, Отец. – В его словах не прозвучало вопроса. У меня не было ни нужды, ни сил, чтобы кивнуть.

Старик, который мог быть одним из прочих добринских братьев, подошел к кровати, опустился на колено, еще раз поцеловал мой перстень и произнес:

– В таком случае, Отец, не пора ли подумать о рождении нового Князя и его Посвящении?

Я посмотрел на этого человека, представив себе, как бы Влад Цепеш с висевшего над моей головой портрета посадил бы его на кол или выпустил из него потроха за столь не деликатный вопрос.

Но я в ответ лишь кивнул.

– Это будет сделано, – сказал Раду Фортуна. – Женщина и повитуха для него уже подобраны.

Я прикрыл глаза, подавив улыбку. Сперма собрана много десятилетий назад и объявлена жизнеспособной. Мне оставалось лишь уповать на то, что им удалось ее сохранить в этой полумертвой злополучной стране, где даже надежда имела мизерные шансы на выживание. Я не испытывал ни малейшего желания знать грубые подробности подбора и осеменения.

– Мы начнем подготовку к Посвящению, – сказал старик, которого я знал когда-то как молодого князя Михню.

Настойчивости в его голосе не было, и я понял почему. Мое умирание будет медленным процессом. Болезнь, с которой я живу так давно, легко меня не отпустит. Даже теперь, когда болезнь поистаскалась и одряхлела от времени, она руководит моей жизнью и сопротивляется ласковому призыву смерти.

С этого дня перестаю пить кровь. Я принял решение, и оно останется неизменным. Вновь переступив порог этого дома, взойдя на древнее ложе, по своей воле я отсюда не уйду.

Но даже при соблюдении поста неутомимая способность моего тела исцелять себя, проделывать собственное существование будет сопротивляться моему желанию умереть. Еще год или два, а то и больше я буду находиться на смертном одре, прежде чем мой дух и притаившееся на уровне клеток стремление *продолжать* уступит неизбежной необходимости *закончить*.

Я решил, что буду жить до тех пор, пока не появится на свет новый Князь и не совершится обряд Посвящения, – сколько бы месяцев или лет ни прошло до этого момента.

Однако к тому времени я не буду уже престарелым, но вполне живым Вернором Диконном Трентом: я стану лишь мумифицированной карикатурой на человека со странным лицом, изображенного на портрете над моей кроватью.

Не открывая глаз, я поглубже вдавливаюсь в подушки и кладу желтоватые пальцы поверх покрывала. Старейшие члены Семьи один за другим подходят, чтобы в последний раз поцеловать мой перстень, а затем начинают перешептываться и переговариваться вполголоса в соседнем зале, как крестьяне на похоронах.

Внизу, на древних ступенях дома, в котором родился, я слышу легкое поскрипывание и пошаркивание, когда остальные члены Семьи длинной чередой поднимаются вверх в благоговейном молчании, чтобы посмотреть на меня – как на какую-нибудь мумию из музея, как на опустошенное, пожелтевшее в своей гробнице восковое тело Ленина, – и поцеловать перстень и медальон ордена Дракона.

Я позволяю себе уплыть в сны.

Чувствую, как они роятся вокруг меня, эти сны о минувших временах, иногда – о лучших временах, а чаще всего – о временах страшных. Я ощущаю их тяжесть, тяжесть этих снов крови и железа и отдаюсь им, впав в тревожное забытие, в то время как в памяти моей чередой проходят последние дни, шаркая, будто любопытные и скорбные члены моей Семьи – Семьи Детей Ночи.

Глава 7

Доктор Кейт Нойман сходила с ума. Она вышла из детского отделения, прошла через изолятор, где выздоравливали ее восемь больных гепатитом В, постояла перед никак не обозначенной комнатой для умирающих младенцев, заглянув при этом в окошко и стукнув кулаком по косяку, после чего стремительно направилась в сторону ординаторской.

Помещения бухарестской Первой окружной больницы напоминали Кейт старую переплетную фабрику в Массачусетсе, где она как-то проработала целое лето, чтобы скопить достаточную сумму на учебу в Гарварде: те же коридоры, выкрашенные в грязно-зеленый цвет, такой же потрескавшийся и замызганный линолеум, такие же гнусные люминесцентные лампы, дающие неровный жидкий свет; по вестибюлю прохаживались мужчины того же, что и на фабрике, пошиба: с небритыми физиономиями, развинченными походками и самодовольными, похотливыми взглядами искоса.

Кейт Нойман была сыта по горло. Прошло шесть недель с тех пор, как она приехала в Румынию для «короткой консультационной поездки», сорок восемь часов с того времени, как она спала, и почти двадцать четыре часа после того, как она принимала душ. Сколько дней она не выходила на улицу, на солнце, и не сосчитать, а с того момента, как она видела умирающим последнего ребенка из комнаты без таблички, прошло лишь несколько минут. Для Кейт Нойман всего этого было достаточно.

Она ворвалась в дверь ординаторской и остановилась, тяжело дыша, оглядывая обращенные к ней озадаченные лица врачей – в основном смуглолицых мужчин; многие были в хирургических костюмах не первой свежести и с жиденькими усиками. Их сонный вид не вводил Кейт в заблуждение, поскольку она знала, что долгое пребывание в палатах здесь ни при чем: большинство врачей имели короткий рабочий день и недосыпали лишь из-за того, что вели так называемую ночную жизнь в послереволюционном Бухаресте. На дальнем конце кушетки Кейт заметила синие джинсы и почувствовала облегчение оттого, что вернулся ее румынский приятель и переводчик Лучан Форся, но тут человек подался вперед, и она увидела, что это не Лучан, а всего лишь американский священник, которого дети называли отцом Майком, и гнев, подобно черной приливной волне, вновь захлестнул Кейт.

Заметив у бака с горячей водой администратора больницы, господина Попеску, она обрушила свое негодование на него.

– Сегодня мы потеряли еще одного ребенка. Еще одного ребенка не стало. Девочка умерла совершенно бессмысленно, мистер Попеску.

Круглолицый администратор взглянул на нее, моргнул и помешал ложечкой чай. Кейт была уверена, что он ее понимает.

– Не хотите ли узнать причину? – спросила она. Двое педиатров начали пробираться к выходу, но Кейт встала в дверном проеме, подняв руку жестом регулировщика.

– Все должны это услышать, – тихо сказала она, не отрывая взгляда от Попеску. – Неужели никто не хочет знать, почему мы потеряли сегодня еще одного ребенка?

Администратор облизнул губы.

– Доктор Нойман... вы... наверное... очень устали, да?

Кейт не сводила с него глаз.

– Мы потеряли маленькую девочку в девятой палате. – Голос у нее был таким же безжизненным, как и взгляд. – Она умерла от эмболии, потому что кто-то небрежно делал внутривенное вливание... чертовски простое, рутинное вливание... И толстая сестра, от которой несет чесноком, вогнала пузырек воздуха прямо в сердце ребенку.

– Imi pare foarte rau, – пробормотал господин Попеску, – nu am Inteles.

– Черта с два не понимаете! – бросила Кейт, почувствовав, что ее гнев превращается во что-то острое, хорошо заточенное. – Отлично все понимаете.

Она повернулась и окинула взглядом дюжину уставившихся на нее медиков.

– Вы все понимаете. Эти слова очень легко понять... Небрежность, халатность, неряшливость! Это уже третий за месяц ребенок, которого мы теряем исключительно из-за дурацкой некомпетентности.

Кейт взглянула в лица ближайших к ней педиатров.

– А вы где были?

Тот, что повыше, повернулся к своему коллеге и с ухмылкой сказал что-то шепотом по-румынски.

Слова «tiganesc» и «corcitura» прозвучали вполне отчетливо.

Кейт шагнула к нему, с трудом подавляя в себе желание врезать прямо по густым усам.

– Я знаю, что девочка была цыганской полукровкой, дерьмо ты собачье.

Она сделала еще один шаг, и румын, хоть и был дюймов на пять выше ее и фунтов на семьдесят тяжелее, вжался в стену.

– Еще я знаю, что вы продаете выживших детей американским проходимцам, которые рыщут вокруг, – сказала Кейт педиатру, нацелив палец так, будто собиралась проткнуть ему грудь. В следующее мгновение она отвернулась, словно ее оттолкнул исходивший от него запах. – И чем занимаются остальные, я тоже знаю. – Ее исполненный отвращения голос звучал настолько измученно, что она сама еле его узнавала. – Самое малое, что вы могли сделать, – это спасти больше детей...

Двое стоявших у входа педиатров торопливо выскочили из ординаторской. Другие врачи тоже оставили чай и потихоньку покинули помещение. Попеску подошел ближе и сделал попытку прикоснуться к руке Кейт, но передумал.

– Вы очень устали, мисс Нойман...

– Доктор Нойман, – произнесла Кейт, не поднимая глаз. – И если, Попеску, уход в палатах не станет лучше, если еще хоть один ребенок умрет из-за небрежности, ей-богу я пошлю доклад в ЮНИСЕФ, Общество по усыновлению и спасению детей и во все прочие организации, на которых вы греете руки... Такой доклад, что вы от американцев впредь гроша ломаного не получите и ваши ненасытные друзья пошлют вас в то место, которое нынче заменяет в Румынии ГУЛАГ.

Попеску покраснел, побледнел, опять покраснел, попытался на ощупь поставить чашку на стол сзади, уронил ее и, прошепав что-то по-румынски, шаткой походкой вышел.

Кейт Нойман постояла еще немного, по-прежнему упершись взглядом в пол, потом подошла к столу, подняла чашку и поставила ее в нишу над баком с горячей водой. Почувствовав утомление, накатывающее медленными волнами, она закрыла глаза.

– Ваша работа здесь почти закончена? – подал голос американец.

Кейт отреагировала незамедлительно. Бородатый священник все еще сидел на кушетке; его синие джинсы, серая футболка и кроссовки выглядели неуместно и несколько нелепо.

– Да. Еще неделя – и я уеду при любом раскладе.

Священник кивнул, допил чай и отставил кружку с отбитыми краями.

– Я наблюдал за вами, – мягко сказал он. Кейт посмотрела на него. Она всегда недолюбливала верующих, а целомудренные попы раздражали ее больше всего. Священники казались ей бесполезным анахронизмом – колдунами, сменившими страшные маски на белые стоячие воротнички и расточающими фальшивую заботу, стервятниками, выющими над больными и умирающими.

Кейт осознала, насколько она устала.

– А я за вами не наблюдала, – тихо сказала она, – но видела, как вы общаетесь с только что поступившими детьми. Дети к вам тянутся.

Отец О'Рурк кивнул.

– А вы спасаете им жизнь.

Он подошел к окну и отодвинул плотные шторы. Насыщенный свет вечернего солнца залил комнату – возможно, впервые за несколько лет.

Кейт моргнула и потерла глаза.

– Смотрите-ка, доктор Нойман, совсем как днем. Может быть, прогуляемся?

– Нет необходимости... – начала было Кейт, пытаясь рассердиться на него за столь самоуверенный тон, но не смогла. Эмоций у нее осталось не больше, чем заряда в подсевшем аккумуляторе.

– Хорошо, – сказала она.

Они вместе вышли из больницы навстречу бухарестскому вечеру.

Глава 8

Обычно Кейт добиралась до своей квартиры на такси уже затемно, но сейчас они шли пешком и она жмурилась от густого вечернего света, падающего на стены домов. Ей казалось, будто раньше она никогда не видела Бухареста.

– Значит, вы остановились не в отеле? – спросил священник.

Кейт стряхнула с себя задумчивость.

– Нет. Фонд снял для меня небольшую квартирку на улице Штирбей Водэ. – Она назвала адрес.

– А... – произнес он. – Это прямо рядом с садом Чишмиджиу.

– Рядом с чем? – переспросила Кейт.

– Сад Чишмиджиу. Одно из моих любимых мест в городе.

Кейт покачала головой.

– Ни разу не была. – Она криво улыбнулась. – Не слишком-то много я видела с тех пор, как сюда приехала. Вне больницы я провела всего три дня, да и те проспала.

– А когда вы приехали? – спросил он.

Сейчас они шли по оживленному бульвару Бэлческу, и Кейт заметила, что отец О'Рурк прихрамывает. Здесь, на тротуаре возле университета, тени были более глубокими, а воздух – прохладным.

– Гмм... четвертого апреля. О господи!

– Понимаю, – сказал отец О'Рурк. – В больнице день кажется неделей. Неделя – вечностью.

Когда они дошли до площади Виктории, Кейт вдруг остановилась и нахмурилась.

– Какое сегодня число?

– Пятнадцатое мая, – ответил священник. – Среда.

– Я обещала вернуться в Центр по контролю за заболеваниями к двадцатому. Они прислали мне билеты. Совсем забыла, что уже так скоро...

Она тряхнула головой и обвела взглядом площадь. Позади виднелась церковь Крецулеску, вся в лесах, сквозь которые проглядывали пулевые выбоины на закопченном фасаде. Дворец Республики на противоположной стороне получил еще более серьезные повреждения. Над входом с колоннами висели красные и белые флаги, но двери и разбитые окна были заколочены досками. Справа находился отель «Атене-палас», который функционировал, но некоторые окна зияли провалами, а строчки пулевых отверстий напоминали шрамы от иглы на коже наркомана.

– ЦКЗ? – переспросил О'Рурк. – Так вы из Атланты?

– Из Боулдера, в Колорадо, – ответила Кейт. – Головная контора все еще в Атланте, но в течение нескольких лет там же располагался и Центр по контролю за заболеваниями. Филиал в Боулдере появился сравнительно недавно.

Они пересекли площадь Виктории на зеленый свет и пошли по улице Штирбей Водэ. Перед отелем «Бухарест» на них налетели три цыганки. Целуя собственные руки, протягивая младенцев и похлопывая Кейт по плечу, они наперебой повторяли:

– *Por la bambina... Por la bambina...*

Кейт полезла в карман, но отец О'Рурк уже наскреб мелочи для каждой. Цыганки скорчили физиономии, увидев монеты, бросили что-то на своем наречии и поспешили вновь занять места перед отелем. За всем этим безразлично наблюдали от входа валютчики в джинсах и кожаных куртках.

Штирбей Водэ была поуже, но также забита громящими по булыжнику и разбитому асфальту дешевыми «дачиями», а также «мерседесами» и «БМВ», принадлежавшими местной

мафии. Кейт снова обратила внимание на легкую хромоту священника, однако решила ничего не спрашивать.

– А вы откуда?... – вместо этого поинтересовалась она, прикидывая, стоит ли добавлять «святой отец». Но язык у нее так и не повернулся.

Улыбка тронула уголки губ священника.

– Орден, в котором я работаю, располагается в Чикаго, и здесь я выполняю поручения Чикагской епархии, хотя уже довольно давно не бывал там. В последние годы я много времени провел в Центральной и Южной Америке. А еще раньше – в Африке.

Кейт взглянула влево, узнала улицу Тринадцатого Декабря и сообразила, что до дому ей осталось один-два квартала. При свете дня улица имела совсем иной вид, чем по вечерам.

– Значит, вы что-то вроде специалиста по Третьему миру, – констатировала она, чувствуя себя слишком усталой, чтобы сосредоточиться на разговоре. Тем не менее английская речь доставляла ей удовольствие.

– Что-то вроде, – согласился отец О’Рурк.

– И вы специализируетесь на сиротских приютах по всему миру?

– Не совсем. Если у меня и есть специальность, то это дети. Иными словами я стараюсь отыскивать их в приютах и больницах.

Кейт понимающе кивнула. Лучи света, отразившись от зданий, упали на несколько ореховых деревьев вдоль улицы, окутав их золотисто-оранжевым ореолом. Воздух был насыщен типичными для любого крупного восточноевропейского города запахами: неочищенные выхлопные газы, сточные воды, гниющие отходы... Но в прохладном вечернем ветерке ощущалась и свежесть зелени вперемешку с ароматом цветов.

– Неужели на улице здесь может быть так хорошо? Кажется, за все время мне запомнились только дождь и холод, – тихо сказала Кейт.

Отец О’Рурк улыбнулся.

– Погода с начала мая почти летняя. А деревья на улицах к северу отсюда – просто что-то невероятное.

Кейт остановилась.

– Номер пять. Это мой дом. – Она протянула руку: – Ну что ж, спасибо за прогулку, за беседу... м-мм... святой отец.

Священник смотрел на нее, не подавая руки. Выражение его лица казалось несколько непонятным, замкнутым, будто он спорил о чем-то с самим собой. Кейт впервые заметила, какие у него удивительно ясные серые глаза.

– Парк там, недалеко, – сказал О’Рурк, показывая вдоль Штирбей Водэ. – Меньше квартала отсюда. Вход в парк трудновато заметить, если не знаешь, где он. Я понимаю, вы измотаны, но...

Кейт действительно чувствовала себя как выжатый лимон, да и настроение было паршивое. Кроме того, этот целомудренный поп в джинсах ничуть не казался ей соблазнительным, несмотря на поразительно красивые глаза. И все же впервые за несколько недель она говорила не о медицине и с удивлением поймала себя на том, что не испытывает желания закончить прогулку.

– Да-да, конечно, – кивнула она. – Покажите мне парк.

Сад Чишмиджиу заставил Кейт вспомнить собственные представления о том, каким когда-то, десятки лет тому назад, был Центральный парк в Нью-Йорке, еще до того, как по ночам в нем воцарилось насилие, а днем – суета. Чишмиджиу был настоящим городским оазисом, потаенной жизнью деревьев, воды, цветов и игры света в листве.

Они прошли через узкую калитку в высоком заборе, которую Кейт прежде не замечала, спустились по лестнице между высоких валунов и оказались в лабиринте мощеных тропок и булыжных дорожек. Несмотря на обширные размеры, от всех уголков парка веяло уютом:

ручеек, протекающий под каменным арочным мостиком, переходящий затем в широкую тенистую заводь; неухоженная длинная лужайка, явно не тронутая косой садовника и радующая глаз буйством диких цветов; игровая площадка, звенящая голосами детей, одетых еще по-зимнему; присматривающие за ними бабушки сидят на длинных скамейках, а вокруг каменных столов и лавок собрались кучками мужчины, наблюдающие за шахматной игрой; со стороны украшенного разноцветными огнями ресторана на островке доносятся звуки смеха.

– Чудесно! – воскликнула Кейт.

Миновав шумную детскую площадку, они прошли по восточному берегу заводи, взобрались на бетонный мостик и остановились, чтобы понаблюдать за парочками, катающимися на лодках внизу.

Отец О’Рурк кивнул и облокотился на парапет.

– Всегда проще видеть в чем-то лишь одну сторону. Бухарест, возможно, и трудно полюбить, но у него есть и свои достоинства.

Кейт смотрела на проплывающую внизу парочку: молодой человек сражался с тяжелыми веслами, стараясь в то же время выглядеть непринужденно, а его девушка откинулась на носу в томной – или казавшейся ей томной – позе. На вид лодка была такого же размера, что и спасательная шлюпка QE-2, и казалась такой же легкой в управлении. Парочка уже почти скрылась за поворотом, когда взмокшему молодому человеку пришлось, ругнувшись, навалиться на весла, дабы избежать столкновения с водным велосипедом.

– Такое впечатление, что и Чаушеску, и революция остались в далеком прошлом, правда? – сказала Кейт. – Трудно поверить, что этим людям пришлось так долго прожить при одном из жесточайших диктаторов в мире.

Священник кивнул.

– А вы видели новый президентский дворец и бульвар Победы Социализма?

Кейт попыталась напяречь свои уставшие извилины.

– Кажется, нет, – ответила она.

– Вам обязательно надо побывать там до отъезда.

По отстраненному взгляду серых глаз отца О’Рурка могло показаться, что в душе он ведет какой-то внутренний диалог.

– Это новый район Бухареста, что он построил?

Священник снова кивнул.

– Он напоминает мне архитектурные опусы, которые Альберт Шпеер делал для Гитлера. – Голос его звучал очень тихо. – Берлин в том виде, каким он должен был стать после окончательного триумфа Третьего рейха. А президентский дворец, возможно, крупнейшее жилое здание в мире... Вот только сейчас там никого не осталось. Новый режим никак не сообразит, какого черта с ним делать. А весь бульвар – это нагромождение белоснежных конторских и жилых комплексов – частично Третий рейх, частично «корейская готика», частично Римская империя. Они уничтожают то, что когда-то было красивейшей частью города, как боевые машины марсиан. Старые постройки по соседству исчезли навсегда... сгинули, как сам Чаушеску. – Он потер щеку. – Не хотите немного посидеть?

Они подошли к скамейке. Закат уже совсем погас, отсвечивая лишь в самых высоких облаках, но сумерки плавно переходили в ночь – теплый вечер поздней весны медленно угасал. Несколько фонарей освещали длинную извилистую дорожку.

– У вас нога разболелась, – заметила Кейт.

Отец О’Рурк улыбнулся.

– Эта нога не может болеть. – Он приподнял левую штанину над длинным носком и, постучав по розовому пластику протеза, добавил: – До колена. А то, что выше, иногда доставляет чертовские неприятности.

Кейт закусила губу.

– Авария?

– В некотором роде. Что-то типа аварии в масштабах страны.

Вьетнам. Невероятно! Во время войны Кейт еще ходила в школу, а священник, на ее взгляд, был чуть ли не моложе ее. Теперь она повнимательнее всмотрелась в его лицо над темной бородой и, разглядев паутинку морщинок вокруг глаз, впервые по-настоящему увидела этого человека и пришла к выводу, что ему, по всей вероятности, сорок с небольшим.

– Мне очень жаль, что так случилось, – сказала она.

– Мне тоже, – засмеялся священник.

– Мина? – В интернатуре Кейт познакомилась с одним блестящим врачом, специализировавшимся при Комиссии по делам ветеранов.

– Не совсем, – ответил О’Рурк.

В его голосе не слышалось неловкости или неуверенности, с которыми Кейт нередко приходилось сталкиваться во время бесед с ветеранами Вьетнама. «Какие бы кошмары ни мучили его из-за войны, – подумала она, – сейчас он свободен от них».

– Я был тоннельной крысой, – пояснил О’Рурк. – Нашел там одного из Национальной вьетнамской армии, а он оказался не просто покойником, а миной-ловушкой.

Кейт не имела понятия, что такое «тоннельная крыса», но спрашивать не стала.

– В больнице вы с детьми просто чудеса творите, – сменил тему беседы священник. – После вашего появления там в два раза снизилась смертность от гепатита.

– Все равно ситуация пока оставляет желать лучшего, – откликнулась Кейт. Заметив нотку раздражения в своем голосе, она сделала глубокий вдох. Следующая фраза прозвучала гораздо мягче: – А вы сколько уже в Румынии... м-м-м?..

Он поскреб бороду.

– Почему бы вам не называть меня Майком?

Кейт хотела что-то сказать, но остановилась в замешательстве. «Майк» было ненамного лучше, чем «святой отец».

Священник усмехнулся.

– Ладно. А если просто О’Рурк? В армии вполне проходило.

– Хорошо... мистер О’Рурк. – Кейт протянула руку: – Нойман. Рукопожатие у него было твердым, но Кейт подспудно ощутила в нем деликатность.

– Хорошо, миссис Нойман. Отвечаю на вопрос... В Румынии я бывал наездами в течение последних полутора лет.

– И все это время имели дело с детьми? – удивилась Кейт.

– В основном.

Он подался вперед, машинально поглаживая колено. Мимо проплыла еще одна лодка. Из ресторана на острове доносилась рок-музыка – слышались какие-то неразборчивые слова.

– Первым делом надо было перевести наиболее серьезно больных детей в больницы... Ну, вы знаете, какие условия в государственных детских домах.

Кейт дотронулась до отяжелевших век. К ее удивлению, болезненное ощущение измощности постепенно отступало, сменяясь обычной усталостью.

– Больницы немногим лучше, – заметила она.

Отец О’Рурк не смотрел на нее.

– Больницы для партийной элиты оснащены гораздо лучше. Вы их видели?

– Никогда.

– Их нет в официальном списке Минздрава. И вывесок на них нет. Но медицинское обслуживание и оборудование на порядок опережают то, что вы наблюдали в районных больницах, где работали.

Кейт повернула голову, чтобы посмотреть на прогуливающуюся под ручку пару. Между ветвями над дорожкой стущалась темнота.

– Но ведь в этих элитных больницах нет детей, мистер О’Рурк?

– Брошенных детей нет. Лишь несколько откормленных малышей с тонзиллитом.

Парочка скрылась за поворотом извилистой дорожки, но Кейт продолжала смотреть в том же направлении. Жизнерадостные звуки парка, казалось, таяли вдаль.

– Черт побери, – тихо прошептала она. – И что же нам делать? Шесть с лишним сотен этих самых государственных учреждений... Двести тысяч, а то и больше детей в них... Пятьдесят процентов заражено гепатитом В, почти столько же в некоторых из этих гнусных дыр дают положительные анализы на ВИЧ. Что делать, мистер О’Рурк?

Священник пристально всматривался в ее лицо при угасающем свете.

– Деньги и помощь с Запада уже кое-кому помогли.

Кейт лишь фыркнула.

– Да-да, – подтвердил О’Рурк. – Детей больше не загоняют в клетки, как раньше, когда я приехал сюда с миссией, организованной Вернором Диконом Трентом.

– Конечно, – согласилась Кейт. – Теперь они брошены на произвол судьбы и растут прикованными к чистым железным кроваткам.

– А еще остается надежда на усыновление... – начал священник.

Кейт повернулась к нему.

– И вы тоже участвуете в этой гадкой комедии? Вы поставляете здоровых румынских детей этим отъездившим на говядине новообращенным американским ублюдкам? В этом и состоит ваша роль?

Отец О’Рурк не отреагировал на эту вспышку гнева. Его лицо оставалось безмятежным. Когда он заговорил, голос его звучал мягко:

– Вы хотите, миссис Нойман, узнать мою роль во всем этом?

Кейт чувствовала, как внутри у нее поднимается волна ярости. Дети страдают, умирают тысячами... десятками тысяч... а этот анахронизм со стоячим воротничком участвует в Большом Детском Базаре, чисто коммерческом предприятии, которым заправляют убийцы и бывшие стукачи, составляющие костяк гнусной мафии этой страны.

– Да, – наконец произнесла она, справившись с собой. – Объясните мне вашу роль.

Не говоря больше ни слова, отец О’Рурк поднялся со скамейки и повел ее из парка. Город уже погрузился в темноту.

Глава 9

Питешти казался стеной огня, выросшей в ночи. На многие мили вдоль горизонта на северо-востоке протянулась полоса перегонных вышек, резервуаров, охлаждающих башен, ажурных лесов, и пламя вздымалось от тысячи клапанов, темных куполов, черных зданий. Это был город нефтепереработки, насколько знала Кейт, но чем ближе они подъезжали к нему, тем больше он походил на преисподнюю.

От парка они дошли до здания ЮНИСЕФ, где О'Рурку была предоставлена комната, и здесь он переоделся. Свое одеяние он назвал «костюмом ниндзя для священника»: черная рубашка, черное пальто, черные брюки, стоячий воротничок. Он посадил Кейт в маленькую «Дачию», стоявшую за готическим зданием, и они с грохотом покатали по мощенным кирпичом и булыжником мостовым к отелю «Лидо» на бульваре Генерала Магэру. Не останавливаясь, О'Рурк свернул на улицу Росетти и обогнул квартал, каждый раз притормаживая возле затемненного отеля.

– А что мы... – начала было Кейт, когда они в третий раз медленно проезжали мимо.

– Подождите... Вот там, – указал О'Рурк.

Из отеля вышла пара, судя по одежде – с Запада; они разговаривали с высоким мужчиной в кожаном пальто. Потом все трое уселись на заднее сиденье «Мерседеса», стоявшего у тротуара там, где стоянка запрещена. О'Рурк свернул в тень под деревьями на улице Франклин и выключил габаритные огни. Как только «Мерседес» влился в поредевший поток машин, священник последовал за ним.

– Ваши друзья? – спросила Кейт, которой не очень-то понравились эти шпионские игры. Зубы О'Рурка казались ослепительно-белыми на фоне бороды.

– Конечно. Американцы. Я знал, что они встречаются с этим парнем примерно в это время.

– По поводу усыновления?

– Точно.

– И вы в этом участвуете?

О'Рурк метнул в ее сторону быстрый взгляд.

– Еще нет.

Они следовали за «Мерседесом» по бульвару Генерала Магэру, пока он не перешел в бульвар Николае Бэлческу, затем в западном направлении от круговой развязки Университетской площади по широкому бульвару Республики, перешедшему в бульвар Георгиу-Дежа. Переехав через забетонированный канал, который когда-то был рекой Дымбовицей, они продолжали путь на запад через район жилых домов сталинского типа и электронных заводов. Улицы были широкими и почти пустыми, если не считать отдельных прохожих в темной одежде, случайных такси да громоздких троллейбусов. Повсюду на мостовых зияли многочисленные глубокие выбоины. Скорость здесь была ограничена пятьюдесятью километрами, но «Мерседес» вскоре разогнался до сотни, и О'Рурку пришлось подстегнуть свою «Дачию», чтобы не отстать.

– Вас остановит полиция, – предостерегла Кейт.

Священник кивком указал на бардачок:

– Там четыре пачки «Кента» для такого случая.

Он вывернул руль, чтобы не наехать на пешеходов, стоявших посреди бульвара. Улицу тускло озарял слабый желтый свет редких натриевых фонарей.

Внезапно мрачные жилые кварталы поределели, потом вообще исчезли, и они оказались за городом, разогнавшись еще быстрее, чтобы не потерять из виду габаритные огни «Мерседеса». Кейт успела разглядеть промелькнувший знак: «А-1, ШОССЕ БУХАРЕСТ – ПИТЕ-

ШТИ, ПИТЕШТИ, 113 КМ». Поездка заняла чуть меньше часа, и все это время они почти не разговаривали: Кейт была настолько вымотана, что с трудом ворочала языком, а О'Рурк, по-видимому, предавался своим мыслям. Дорога представляла собой некое подобие американской автостреды между штатами, но совершенно разбитой и без обочины. Местность по сторонам дороги утопала во тьме, и лишь кое-где в отдалении от шоссе виднелись огни деревень, такие хилые, словно там горели лишь несколько керосиновых ламп.

Тем большим потрясением оказалось ярко светящееся в ночи зарево над Питешти. «Мерседес» свернул на первое же ответвление от шоссе в сторону города, и О'Рурк прибавил скорость, чтобы сократить расстояние. Вскоре дорога вывела их на плохо освещенный проспект, а затем – на узкую улочку, совсем лишенную света. Жилые кварталы здесь выглядели еще более зловеще, чем в Бухаресте. Хотя не было и десяти вечера, сквозь занавески виднелись лишь несколько огоньков. Оштукатуренные здания были освещены неровным оранжевым сиянием, отражавшимся от низких туч. Кейт и О'Рурк закрыли окна в машине, но едкие испарения от нефтеперегонных заводов все равно проникали в салон. От них слезились глаза и першило в горле. У Кейт снова мелькнула мысль об аде.

«Мерседес» свернул в еще более узкий переулок и остановился. О'Рурк прижал «Дачию» к краю мостовой сразу за перекрестком.

– И что дальше? – спросила Кейт.

– Оставайтесь здесь или пойдемте со мной, – ответил он.

Кейт выбралась из машины и последовала за священником через улицу к жилому массиву. С затемненных верхних этажей доносились звуки включенных радиоприемников или телевизоров. Несмотря на адское сияние сверху, весенний воздух был весьма прохладен. Лифт в подъезде не работал; они услышали шаги, гулко раздававшиеся на лестнице. О'Рурк жестом призвал Кейт поторопиться, и она вприпрыжку побежала за ним по ступенькам. Вверху грохотала тяжелая поступь четырех человек, но О'Рурк шел почти неслышно. Кейт заметила, что он остался в кроссовках, и даже слегка улыбнулась, хоть и начинала задыхаться от напряжения.

Они остановились на шестом этаже, который в Америке считался бы седьмым. О'Рурк открыл дверь на лестничной площадке, и их окутали застарелые кухонные запахи, не менее едкие, чем вонь от нефтеперегонки на улице. В узком коридоре эхом отдавались голоса.

О'Рурк попросил Кейт оставаться на месте, а сам бесшумно двинулся по коридору, сливаясь с тенью между тусклыми пятнами света. У нее невольно промелькнула мысль о поразительной точности выражения: «костюм ниндзя для священника».

Несмотря на его приказ, а скорее, вследствие его Кейт пошла за святым отцом по коридору, останавливаясь в самых темных местах. Она уже примерно представляла, какую картину увидит у открытой двери квартиры... И предчувствие ее не обмануло.

Там стояли чета американцев и двое румын в кожаных куртках, которые исполняли роль переводчиков и одновременно спорили о чем-то с жильцами квартиры – мужчиной и женщиной. Трое маленьких детей вцепились в юбку матери, а из открытой двери спальни доносился плач младенца. Квартирка была небольшой, захламленной и грязной, потертый ковер усеивали раскиданные горшки и кастрюли, словно ими только что играли детишки. В спертом воздухе стоял густой запах жареной пищи и грязных пеленок.

Кейт еще раз выглянула из-за косяка. О'Рурк был уже практически в квартире, но пока еще не замеченный спорившими в освещенной комнате людьми. Румыны, доставившие сюда американцев, представляли собой типичных мафиози: один – с бандитскими усиками, другой – с трехдневной щетиной, оба с сальными волосами, в модных джинсах и шелковых рубашках под кожаными куртками, и у обоих наглый, вызывающий вид, знакомый Кейт по трем континентам.

Хозяйка квартиры была пониже ростом, с нездоровыми желтовато-бледными лицами; жена, с темными кругами под глазами, стояла с отчаявшимся видом, а муж беспрерывно тараторил, и часто мелькавшая на его губах улыбка напоминала скорее нервный тик. Молодые

светловолосые американцы, небрежно одетые в «Лэндз Энд», выглядели ошеломленными. Она все время наклонялась, чтобы обнять детишек или одарить их улыбкой, но те прятались за родительскими спинами или убегали в темную спальню.

– Сколько за этого? – спросил американец, протянув руку, чтобы потрепать по волосам трех-четырёхлетнего мальчугана, прильнувшего к матери. Мальчик резко отпрянул. Более рослый из румын отрывисто переговорил с отцом семейства и с ухмылкой сказал:

– Он говорить, сто тысяч лей и «турбо».

– Турбо? – переспросила американка, быстро заморгав.

– Автомобиль «турбо», – пояснил тот, что был ниже и смуглее. Когда он усмехнулся, на свету блеснул золотой зуб.

Американец достал записную книжку-калькулятор и принялся быстро считать.

– Сто тысяч лей – это, милая, примерно тысяча шестьсот шестьдесят шесть долларов по официальному курсу, – сообщил он жене. – М-м-м... Но по курсу черного рынка это будет около пятисот зеленых. А насчет машины... не знаю...

Высокий снова ухмыльнулся.

– Нет-нет. Все, что они просить, – сто тысяч лей. Нет платить. Эти цыгане... видите? Очень жадные люди. Цыганенок не стоить сто тысяч лей. Эти маленькие дети стоить еще меньше. Мы предлагать тридцать тысяч, говорить им: если они говорить «нет», мы идти другое место.

Он повернулся и довольно грубо пихнул отца семейства в грудь. Тот выдавил улыбку, прислушиваясь к лающим звукам румынского языка.

Кейт поняла лишь несколько слов: Америка, доллары, дурак, власти.

Американка же в это время приблизилась к двери в темную спальню и теперь пыталась вытащить оттуда на свет двухлетнюю девочку. Ее муж всецело погрузился в расчеты на калькуляторе; при свете лампочки без плафона лоб у него лоснился от пота.

– Ага, – сказал высокий. – Маленькая девочка, очень здоровая... Они соглашаться на сорок пять тысяч лей. Могут отдать сегодня. Сразу.

Американка закрыла глаза и прошептала:

– Хвала Господу!

Ее муж моргнул и провел языком по губам. Коренастый ухмыльнулся своему коллеге.

– Это незаконно, – объявил О'Рурк, входя в комнату. Американцы подскочили с довольно глупым видом. Провожатые набычились и шагнули вперед.

Цыган посмотрел на жену, и лица у обоих выражали горькое разочарование из-за явно уплывающих денег.

– Это незаконно, – повторил священник, – да и необходимости в этом нет. – Он встал между посредниками и американской парой. – Существуют детские дома, где вы можете произвести усыновление на законных основаниях.

– Cine sinteti dumneavoastra? – злобно спросил высокий. – Ce este aceasta?

О'Рурк не удостоил его вниманием и обратился прямо к американке.

– Ни один из этих детей не подлежит усыновлению и не нуждается в нем. Их родители работают на заводе. А эти двое... – он небрежно махнул левой рукой в сторону румын, будто брезгуя даже взглянуть на них, – шпана... бандиты, которые занимаются продажей чужих детей. Подумайте, пожалуйста, что вы делаете.

– Мы... – начал американец, снова облизнув губы. – Мы не собирались...

Его жена, казалось, вот-вот расплачется.

– Так тяжело получить визу на больного ребенка, – пожаловалась она. Акцент у нее был то ли оклахомский, то ли техасский.

– Заткнись! – заорал высокий.

Его крик был адресован О'Рурку, а не американской паре. Он сделал три шага и замахнулся так, будто собирался размазать священника по стене.

Кейт видела, как О'Рурк повернулся, стремительно перехватил запястье занесенной над ним руки и стал медленно давить ее книзу. Румын дернулся, попытался высвободить руку, но тщетно. Его лицо налилось кровью, а башмаки скребли по полу в поисках лучшей опоры, однако перехваченная рука продолжала опускаться, пока О'Рурк не прижал все еще сжатый кулак к боку своего противника.

Лицо румына было уже не красным, а почти свекольного цвета. В попытках вырваться он всем телом содрогался от напряжения. Выражение же лица священника оставалось неизменным.

Коренастый выхватил из кармана выкидной нож и шагнул вперед. Высокий что-то отрывисто бросил ему как раз в тот момент, когда хозяева квартиры начали кричать, а американка – плакать. О'Рурк отпустил руку румына, и Кейт увидела, как тот хватается ртом воздух и разминает пальцы. Затем он рывкнул что-то еще, и его напарник, спрятав нож, погнал ошеломленных американцев из квартиры. Вся компания проскользнула мимо стоявшей в дверях Кейт, будто ее вообще не существовало. Дети рыдали вместе со своей мамашей. Отец семейства стоял, потирая небритую щеку, как после пощечины.

– *Imi pare foarte rau*, – сказал О'Рурк цыганам, что Кейт поняла как «мне очень жаль». – *Noapte buna*, – добавил он, выходя из квартиры, что означало «спокойной ночи».

Дверь захлопнулась. Священник и Кейт стояли в коридоре, глядя друг на друга.

– А вы не хотите перехватить этих американцев? – спросила она. – И отвезти их в Бухарест?

– Зачем?

– Ну, они могут поехать еще куда-нибудь с этими... с этими сволочами. Кончится тем, что они утащат другого ребенка прямо из кровати.

О'Рурк покачал головой.

– Сегодня вряд ли. Все это, так сказать, сбило их планы на вечер. Я завтра позвоню им в «Лидо».

Кейт посмотрела в темный лестничный проем.

– А вы не боитесь, что вас поджидает один из этих подонков? – Ей показалось, что подобная мысль весьма позабавила священника и он улыбнулся. Но улыбка тут же сошла с его лица.

– Не думаю, – мягко сказал он, и в его голосе прозвучало почти неуловимое сожаление. – У них сейчас голова болит о том, как бы поскорее доставить этих голубочков домой, утешить их да проверить новое дельце.

Кейт кивнула и пошла за священником вниз по лестнице, мечтая поскорее покинуть провонявший мочой, чесноком и безысходностью дом.

Хоть Кейт очень устала, тем не менее по пути в Бухарест она не могла удержаться от расспросов. «Дачия» представляла собой сочетание грохота в коробке передач, стонов в механизмах и скрипа пружин, а воздух свистел даже при закрытых окнах, так что им приходилось едва ли не кричать.

– Я знала, что большинство американских пар в конце концов платят за здоровых детей, – сказала она. – Но только не могла представить, что это происходит так цинично.

О'Рурк кивнул, не отрывая глаз от темной дороги. Стена пламени над Питешти осталась далеко позади.

– Вы бы видели, как все это выглядит, когда их привозят в какую-нибудь бедную цыганскую деревню, – сдавленным тоном произнес он. – Это превращается в аукцион... в своего рода барахолку.

– Они что, в основном имеют дела с цыганами?

В голосе Кейт слышалась откровенная усталость. Она поймала себя на том, что очень хочет закурить, хотя отказалась от сигарет еще в юности.

– Чаще всего. Это люди довольно бедные, отчаявшиеся, и к властям обращаются не слишком охотно, если их припугнуть.

Кейт смотрела на редкие огоньки деревни километрах в двух от шоссе. Свет фар часто выхватывал из темноты сломанные автомобили, брошенные в траве вдоль дороги. Когда они ехали в Питешти, она заметила, что на каждые один-два километра приходится по меньшей мере по одному неисправному грузовику или легковушке.

– А эти возжаждавшие отцовства и материнства американцы когда-нибудь усыновляют детей из приютов?

– Иногда, – ответил священник. – Но сами знаете, сколько тут трудностей.

Кейт кивнула.

– Половина детей больны. Остальные в основном или моторно отсталые, или умственно ущербные. А американское посольство больному не даст визу. – Она вдруг рассмеялась и сама поразилась резкости своего смеха. – Какое дерьмо.

– Да, – согласился О'Рурк.

Неожиданно для себя Кейт стала рассказывать священнику о тех детях, которым пыталась помочь, о детях, умирающих из-за недостатка квалифицированной медицинской помощи, из-за скудного питания, отсутствия сострадания и компетентности со стороны румынского больничного персонала. Она рассказала ему о ребенке в изоляторе Первой окружной больницы, о брошенном, безымянном, беспомощном малыше, который после переливания крови пошел было на поправку, но вскоре опять стал чахнуть из-за какого-то расстройства иммунитета, которое Кейт не могла ни локализовать, ни диагностировать имеющимся в ее распоряжении примитивным оборудованием.

– Это не СПИД, – сказала она. – Не просто анемия или гепатит, не нарушения иммунной системы, связанные с заболеваниями крови – с ними я знакома, с редкими в том числе. Убеждена, что в Штатах, с тем оборудованием и персоналом, которыми я располагаю в Боулдерском ЦКЗ, я смогла бы локализовать, квалифицировать и остановить заболевание. Но у этого ребенка никого нет, и здешние власти никогда не заплатят за перевозку его в Штаты или не дадут визу, если я возьму расходы на себя. – Она резко потеряла щеку. – Ему семь месяцев, он зависит от меня и умирает... А я ничего не могу сделать.

Кейт с удивлением обнаружила, что щека у нее мокрая от слез. Она отвернулась от священника.

– А почему вы его не усыновите? – тихо спросил О'Рурк. Она повернулась и изумленно посмотрела на него, но он больше ничего не сказал. Кейт тоже не произнесла ни слова. Так, в молчании, они и въехали в затемненный Бухарест.

Глава 10

Румыны не давали имен подкидышам. Брошенный семимесячный ребенок в изоляторе Первой окружной больницы, судя по записям, переведенным для Кейт Лучаном, был зарегистрирован как «несовершеннолетний пациент мужского пола номер 2613». Медкарты большинства детей содержали сведения о том, кем были их родители, или кто оставил их в детском доме или больнице, или, по крайней мере, где их обнаружили, но в медкарте пациента номер 2613 подобная информация отсутствовала полностью.

Кейт просмотрела эти записи предыдущей ночью, вернувшись из Питешти с отцом О'Рурком. Она поблагодарила его за поездку, когда он, уже за полночь, высадил ее перед домом. Они больше не обсуждали его брошенное вскользь предложение насчет усыновления. Кейт никак не могла отделаться от мысли, что священник, возможно, пошутил.

Но все же, прежде чем рухнуть в кровать, она проглядела свои записи.

«Несовершеннолетний пациент мужского пола номер 2613» был доставлен в Первую окружную больницу Бухареста, после того как врачи детской больницы в Тырговиште не смогли диагностировать болезнь, явно угрожающую его жизни. В число симптомов входили потеря веса, апатия, рвота, отказ от молочных смесей и некое расстройство иммунной системы, из-за чего любая простуда или вирус гриппа представляли для ребенка смертельную опасность. Анализ крови не выявил гепатита или других дисфункций печени. Не указывал он и на анемию, но количество лейкоцитов было гораздо ниже нормы. Переливания крови, начатые в пять месяцев, казалось, дали надежду на чудесное выздоровление: почти две недели ребенок пил из бутылочки и набирал вес, а реакция на аллергический тест показала положительную динамику иммунной системы. Но потом вновь начались проблемы с иммунитетом, и все вернулось на круги своя. Последующие переливания приносили все более краткосрочные улучшения в состоянии больного. Пять недель назад ребенка перевели из Тырговиште в Бухарест, и почти все это время Кейт Нойман боролась лишь за сохранение его жизни.

Она вошла в изолятор. Толстая сестра с заячьей губой стояла у детской кровати и кормила ребенка; вернее, она курила сигарету и смотрела куда-то в сторону, одновременно тыкая протиснутой через прутья кровати бутылкой с соской ему в щеку. Он при этом слабо попискивал и не обращал на соску никакого внимания.

– Убирайтесь, – сказала Кейт и повторила то же самое по-румынски.

Сестра засунула бутылочку в грязный карман халата, одарила Кейт злорадной улыбкой и, стряхнув пепел с сигареты, неторопливо вышла.

Кейт взяла ребенка на руки и огляделась в поисках качалки, которую она раздобыла для этой палаты. Качалка опять исчезла. Тогда она присела на холодный радиатор под окном и, нежно покачивая, стала убаюкивать малыша. «Нужно срочно назначить внутривенное питание», – подумала Кейт. Последнее переливание крови принесло облегчение лишь на пять дней.

Ребенок остановил взгляд на ее лице и перестал плакать. Он был таким крошечным, что ему вполне можно было дать не семь месяцев, а семь недель. Маленькие ручки и ножки казались почти прозрачными, большие глаза пристально смотрели на Кейт, как бы ожидая ответа на какой-то заданный вопрос.

Кейт достала бутылочку с заранее подогретой смесью и попыталась вставить соску в маленький ротик. Малыш отворачивался, не желая есть, но каждый раз его взгляд возвращался к ней. Тогда она поставила бутылочку на подоконник и стала его просто баюкать. Глаза ребенка медленно закрылись, а частое дыхание перешло в спокойное сонное посапывание.

Она покачала его еще немного, напевая колыбельную, которую ей пела мать:

Тихо, дитя, не говори ни слова,

Мама купит тебе пересмешника.
А если пересмешник будет петь,
Мама купит тебе бриллиантовое кольцо.

Вдруг Кейт умолкла и приблизила к себе лицо малыша. Она вдыхала детский запах, ощущала шелковистость реденьких темных волосиков. Его частое дыхание обдавало теплом ее щеку.

– Не бойся, Джошуа, – шептала она. – Не бойся, малыш. Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Я не дам тебе пропасть.

На следующее утро, после шестнадцатичасовой смены и лишь трех часов сна, Кейт отправилась в красивое министерское здание, чтобы начать бесконечную бумажную волокиту, связанную с усыновлением.

Возвращаясь в тот день в госпиталь, она встретила на лестнице Лучана Форсю. Он горячо обнял ее, крепко поцеловал в щеку и отступил на шаг.

– Неужели это правда? – спросил он. – Ты хочешь усыновить ребенка из третьего изолятора?

Кейт лишилась дара речи. Она еще никому ничего не говорила об этом, кроме министерских чиновников сегодня утром. Ей пора бы уже привыкнуть к тому, что здесь, кажется, все знают обо всем и обо всех.

– Это правда, – ответила она. Лучан усмехнулся и снова обнял ее.

Кейт не могла не улыбнуться в ответ. Этому румыну, студенту-медику, было двадцать с небольшим, но она никогда не воспринимала его ни как румына, ни как студента. Сегодня Лучан был одет в гавайскую рубашку от «Рейн Спунер» с большими розовыми цветами, вареные джинсы «Кэлвин Клейн» и кроссовки «Найк». Его аккуратно подстриженные волосы чуть-чуть не дотягивали до прически панка, а на руке красовался дорогой, но неброский «Ролекс». Лицо Лучана выглядело слишком загорелым для студента-медика, глаза казались слишком яркими и живыми для румына, а английский был беглым и насыщенным идиомами. Кейт частенько думала о том, что, будь она помоложе лет на пятнадцать, даже на десять, ей, возможно, не удалось бы устоять перед его обаянием. А сейчас она считала его своим единственным настоящим другом в этой странной, печальной стране.

– Великолепно! – воскликнул Лучан все с той же улыбкой, вызванной известием о ее предстоящем материнстве. – Если мы с тобой поженимся, то таким образом обзаведемся ребенком без всяких усилий и долгого ожидания. Я всегда говорил, что «ПолярOID» должен заняться производством детей.

Кейт хлопнула его по плечу.

– Успокойся, – сказала она. – Как твои заключительные экзамены?

– Мои заключительные экзамены заключительно закончились, – выпалил Лучан. Он взял ее за руку и повел вверх по лестнице. – Расскажи-ка, как все прошло в министерстве. Тебя заставили ждать несколько часов?

– Конечно.

Они миновали высокую дверь и оказались в сумрачном, гулком вестибюле больницы. Ожидавшие своей очереди будущие пациенты занимали все скамейки вдоль длинного коридора. Каталки со спящими или коматозными больными стояли, как затертые на стоянке автомобили, и на них никто не обращал внимания. Пахло эфиром и лекарствами.

– И когда ты заполнила бумаги, тебя заставили ждать еще несколько часов? – В обращенных на нее голубых глазах Лучана можно было прочесть что-то вроде сочетания веселости... чем? Симпатией? Любовью? Кейт отбросила эту мысль.

– В общем-то, нет. Как только я заполнила бланки, они действовали вполне квалифицированно. Я имела дело лишь с одним человеком. Он сказал, что все ускорит, и теперь я понимаю, что так оно и оказалось. Странно, да?

Лучан скорчил смешную рожицу. Кейт иногда казалось, что парню с таким остроумием и такой мимикой лучше бы стать комедийным актером, а не врачом.

– Странно! – воскликнул он. – Это беспрецедентно! Неслыханно! Квалифицированный чиновник в Бухаресте!.. Бог ты мой! Ты мне еще скажи, что в рядах Фронта национального спасения есть хоть один истинный патриот!

Он говорил так громко, что два больничных администратора, шедших впереди по коридору, недовольно оглянулись.

– Кроме шуток, – продолжал Лучан, поглаживая ей руку. – Назови мне имя этого чиновника. Может, мне тоже когда-нибудь понадобится квалифицированная помощь.

Кейт знала отца Лучана, известного поэта, интеллектуала и критика режима, в то время как мать юноши по иронии судьбы была связана с номенклатурой – партийной элитой, которая имела возможность отовариваться в магазинах для начальства и обладала прочими особыми привилегиями. Кейт иногда казалось, что Лучан лично знаком с каждым из двух с половиной миллионов жителей Бухареста. Несмотря на то что семья пользовалась привилегиями, молодой Форсю откровенно презирал и режим Чаушеску, и тот, который пришел ему на смену.

– Кажется, его фамилия Станку, – сказала она. – Да, Станку.

– Ага, как у писателя, который умер семнадцать лет назад. Не удивительно, что он хороший человек. Хотя ему еще подрастать и подрастать до имени Станку.

– Расти и расти, – машинально поправила Кейт. Она вспомнила проворного чиновника, вспомнила, как он с кем-то созванивался, рылся в бумагах, заверял ее, что румынская выездная виза для ребенка будет готова к восьми тридцати на следующее утро. Когда Кейт затронула скользкий вопрос о здоровье Джошуа – сейчас она уже воспринимала ребенка только как Джошуа, хотя и не могла объяснить, почему выбрала именно это имя, – господин Станку не стал вдаваться в подробности и лишь заметил, что с этим вопросом трудности могут возникнуть только в американском посольстве.

Они поднялись в лифте на третий этаж и взяли из шкафа чистые халаты и маски. Лучан указал на бахилы – нечто вроде носков огромного размера, которые больничный персонал надевал на обувь для работы в изоляторе.

– Достаточно и масок, – сказала Кейт.

По утренней сводке уровень лейкоцитов у Джошуа был умеренно низким.

– Привет, Сильвер, – бросил Лучан, завязывая маску. Кейт покачала головой. Она знала, что Лучан когда-то ездил с отцом в Америку, но провел там всего несколько дней. Откуда он знает про Одинокого Ковбоя?

Лучан, казалось, прочел ее мысли. Она увидела по его глазам, что он ухмыляется под маской.

– Записи одной старой радиопостановки, – пояснил он. – Кое-что я привез из Нью-Йорка несколько лет тому назад.

– Когда был еще ребенком, – уточнила Кейт.

Как только Лучан начинал казаться ей слишком привлекательным, она заставляла себя вспомнить, что он еще не родился, когда был убит президент Кеннеди, и что ему было всего три года, когда убили Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. Думая об этом, Кейт ощущала себя очень старой, хотя в год гибели президента ей самой исполнилось всего десять лет, а когда застрелили Бобби, она еще ходила в школу.

Лучан пожал плечами.

– Ладно, старушка. Один – ноль. Так мы будем смотреть твоего ребенка?

Кейт пошла вперед. Ее вдруг холодной волной окатило предчувствие, что Джошуа лежит в своей кровати уже мертвый и остывший.

Ребенок был жив. Он лежал на спине, сцепив маленькие ручонки, и смотрел на Кейт снизу широко раскрытыми глазами. «Несовершеннолетний пациент мужского пола номер 2613» – вскоре он станет Джошуа Артуром Нойманом – был голеньким, если не считать сбившейся тонкой пеленки, и походил на маленького птенчика, выпавшего из гнезда раньше времени: вздутый живот, выступающие под бледной, розоватой кожей ребра, тоненькие искривленные пальчики... В том месте, где пластырь удерживал иглу капельницы, бросалась в глаза заметная припухлость.

Кейт хотела было проверить капельницу, но Лучан опередил ее, подрегулировав опытной рукой приток раствора.

Кейт перегнулась через бортик кровати и, склонившись к ребенку, нежно поцеловала его в щечку.

– Подожди еще несколько дней, малыш.

Ребенок сморщился, будто вот-вот готовый расплакаться, но вместо этого вздохнул. Теперь он перевел взгляд на Лучана, тоже наклонившегося над кроватью.

– Эй, парень, – сказал Лучан театральным шепотом, – выступает Нил Даймонд. – И он промышчал несколько тактов из песни «Прибытие в Америку».

Кейт сняла металлическую табличку, висевшую на гвоздике у кровати в ногах малыша, и нахмурилась, пробежав глазами записи, появившиеся за время ее отсутствия.

– Наконец-то они удосужились сделать анализ крови, который я просила еще три недели тому назад, – сказала она. – Я бы сама его сделала, будь в этой чертовой дыре приличный микроскоп.

– И что там? – спросил Лучан, щекоча пальцем животик ребенка.

– Такое же низкое количество Т-лимфоцитов, что и раньше, – ответила Кейт. – А еще подтверждается критический дефицит аденозиндезаминазы.

Лучан вдруг выпрямился, изобразив деланое внимание, закрыл глаза и затараторил скороговоркой, будто на экзамене:

– Аденозиндезаминаза... Жизненно важный фермент, необходимый для расщепления токсичных побочных продуктов обычного метаболизма... отсутствующего при таких редких расстройствах, как дефицит аденозиндезаминазы.

Он открыл глаза и уже серьезным тоном сказал:

– Извини, Кейт. Это ведь неизлечимо?

– Теперь излечимо, – отрезала Кейт, швырнув табличку на батарею отопления с такой силой, что лязг металла эхом прокатился по небольшому помещению. – Это весьма редкое нарушение... возможно, меньше трех десятков детей во всем мире... Но средство есть. В Штатах мы пользуемся...

– Искусственным ферментом ПЕГ-АДА, – договорил за нее Лучан. – Но я сомневаюсь, что в Румынии есть ПЕГ-АДА. Возможно, его нет во всей Восточной Европе.

– Даже в партийных больницах?

Лучан медленно покачал головой. Кейт обратила внимание на то, какой у него мужественный подбородок, насколько гладкая кожа на щеках. Чтобы прочитать лабораторный анализ, он надел круглые очки в черепаховой оправе, но вместо придания солидности и серьезности они преобразили его в совершенного мальчишку.

– Я могу заказать этот фермент в Америке или через Красный Крест, – сказала Кейт. – Но к тому времени, когда посылка пробьется через все препоны и проволоочки, пройдет не меньше месяца, а Джошуа может умереть от какого-нибудь вируса. Нет, быстрее получится, если я увезу его с собой... – Она помолчала. – Вообще-то ты молодец, Лучан. Знать о дефиците

аденозиндезаминазы... Большинство практикующих врачей в Штатах об этом и слыхом не слыхивали. Что ты получил на выпускном экзамене?

– Четыре целых ноль десятых. Выдающиеся результаты во всех областях, в том числе и в делах любовных. – Лучан опять наклонился над кроваткой. – Ну что, малыш. Давай-ка двигай вместе со своей трансильванской попкой в Боулдер, чтобы мамаша доктор Нойман всадила тебе в нее дозу ПЕГ-АДА.

Джошуа в своей кроватке, казалось, обдумывал эти слова, после чего сцепил кулачки крепче, сморщился и громко заплакал.

Глава 11

В американское посольство Кейт отправилась на следующее утро. Сначала она прошла по бульвару Бэлческу до приметного здания отеля «Интерконтиненталь», потом квартал по улице Батишта до улицы Тудора Аргежи. Хотя еще не было и девяти, на узком тротуаре уже выстроились люди. Испытывая чувство вины, но зная, что у нее нет нескольких часов или дней чтобы выстаивать в очереди, Кейт прошла вперед. Румынские солдаты взглянули на ее паспорт и махнули в сторону калитки, где стоял морской пехотинец. Тот кивнул, вошел в телефонную будку и начал что-то говорить в черную трубку.

Кейт посмотрела через улицу, где у кирпичной стены выстроились несколько участников акции протеста. На стене висел стяг с надписью: «КВВ. МЫ ОЖИДАЕМ ИММИГРАЦИОННОЙ ВИЗЫ. 1982–1987». В руках у людей были плакаты: «ГОЛОДОВКА. ДАЙТЕ ИММИГРАЦИОННЫЕ ВИЗЫ», «ГДЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?», «ОСТАНОВИТЬ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ», «ВАШИНГТОН СКАЗАЛ “ДА”. ПОЧЕМУ РУМЫНИЯ СКАЗАЛА “НЕТ”?», «ЧТО ГОВОРIT АМЕРИКАНСКОЕ КОНСУЛЬСТВО?»

Пехотинец вернулся, румынский солдат открыл черную металлическую калитку, и Кейт вошла в посольский двор, кивая с извиняющимся видом терпеливо стоящим в очереди людям.

Оказавшись внутри, она прошла через металлодетектор типа тех, что устанавливаются в аэропортах, отдала сумочку для проверки, после чего подверглась осмотру уже с помощью портативного металлоискателя, которым по ней водил скукающий охранник. Сумочку ей вернули и пропустили в дверь на первом этаже посольства.

Некогда просторный зал теперь был разделен на комнату ожидания и десяток служебных отсеков. Везде выстроились очереди: самую длинную составляли румыны, ожидавшие виз в дальнем конце помещения; американцы же стояли в очередях поменьше у каждого окошка. В комнате ожидания было восемь рядов стульев, большую часть которых занимали американки с румынскими младенцами и маленькими детишками. Царившие здесь шум и разноголосица выбивали из колеи. Пока Кейт ожидала своей очереди на запись у дежурного чиновника, сердце у нее заныло от ощущения безнадежности затеянного.

Через два с половиной часа неприятное предчувствие получило подтверждение. За это время Кейт успела переговорить с четырьмя служащими посольства и пригрозила поднять шум, если ей не позволят встретиться с кем-нибудь более высокопоставленным. К ней спустился некто из канцелярии посла, выдвинул складной металлический стул, оседлал его, улыбнулся и медленно, с расстановкой объяснил ей то же самое, что и предыдущие четыре чиновника.

– Мы просто не можем пускать в Штаты детей со СПИДом, – убедительно говорил этот человек. У него были безукоризненные зубы, безукоризненная стрижка, безукоризненная стрелка на серых брюках. Он невнятно представился – что-то вроде Кэрли, Коули или Кроули.

– Проблема СПИДа в Соединенных Штатах и так достаточно серьезна. Наверняка вы это понимаете, миссис... м-м-м... Нойман. – *Доктор* Нойман, – в очередной раз поправила Кейт. – У этого ребенка нет СПИДа. Я специалист по заболеваниям крови и могу поручиться.

Чиновник поджал губы и медленно кивнул, как бы оценивая какие-то факты, труднодоступные для его понимания.

– А Троянская клиника это подтверждает?

Кейт фыркнула. Троянская клиника представляла собой самую обычную поликлинику, для которой стало подарком судьбы, что на нее пал выбор американского посольства в проведении лабораторных анализов на гепатит В и СПИД перед выдачей виз. Кейт скорее поверила бы прогнозам астролога, чем выводам лаборантов Троянской клиники.

– Я это подтверждаю, – сказала она. – Пять недель назад мы делали анализ на ВИЧ в Первой окружной больнице. Одновременно мы исключили СПИД и выявили отсутствие гепатита. У меня имеются результаты анализов, подтвержденные и письменно заверенные докторами Первой окружной больницы Рагревску и Григореску, главным патологом и его помощником.

Посольский – Кэрли? Коули? нет, все-таки Кроули – поджал губы, снова кивнул и сказал:

– Но нам все же обязательно требуется заключение Троянской клиники о том, что ребенок здоров. И, разумеется, письменное разрешение на усыновление хотя бы от одного из его родителей.

– Черт побери, – сказала Кейт, наклонившись вперед так резко, что мистер Кроули чуть не свалился со стула. – Во-первых, повторяю в десятый раз: сведений о родителях ребенка не имеется – ни об отце, ни о матери. Никаких сведений. Он был брошен. Покинут. Оставлен умирать. Даже в детском доме в Тырговиште не знают, кто принес его туда. Во-вторых, ребенок *не* здоров – это одна из причин, по которой я забираю его в Штаты. Я уже раз пятнадцать это объясняла. Но он не заразен. У него нет гепатита В. У него нет СПИДа. Никаких заразных болезней. Насколько мы знаем, у ребенка нарушение иммунной системы, которое, скорее всего, носит генетический характер и почти наверняка приведет его к смерти, если вы не решите мне доставить его туда, где я смогу ему помочь.

Чиновник кивнул, снова поджал губы, побарабанил карандашом по столу и, скрестив руки, сказал:

– Что ж, миссис Нойман, мы бы с радостью вам помогли, но процедура в случае со столь... столь необычным ребенком займет не меньше месяца и просьба о выдаче визы, скорее всего, будет отклонена без письменного разрешения матери ребенка и справки о здоровье из Троянской клиники. А вы не рассматривали возможность усыновления здорового ребенка?

Если бы Кейт закричала, ее крик был бы слышен на улице. *Если бы* она позволила себе закричать! Когда охранник провожал ее к выходу, в комнате ожидания Кейт заметила знакомый «костюм ниндзя» – черный силуэт среди пастельных тонов летней одежды американцев и серых одеяний румын.

– Мистер О’Рурк!

Священник обернулся, улыбка тронула его губы, но тут же погасла, едва он увидел ее лицо. Он быстро пересек многолюдное помещение и, подойдя к Кейт, жестом отослал охранника. Тот, слегка поколебавшись, отпустил руку Кейт. Отец О’Рурк подвел ее к стулу в самом спокойном уголке зала и, смахнув с него стопку бумаг, усадил. Когда священник отошел, Кейт чуть не бросилась за ним следом, но вскоре он вернулся, неся бумажный стаканчик с холодной водой, которую она с благодарностью выпила.

– Что случилось, миссис Нойман? – Голос его звучал мягко, а серые глаза пристально изучали лицо Кейт.

Пока она говорила, какую-то отстраненную часть ее рассудка мучила мысль: это и есть исповедь? Это и есть то, что дает религия... перекладывание всех твоих проблем на чьи-то плечи? Кейт так не думала.

Выслушав ее, О’Рурк кивнул.

– А вы уверены, что румынские чиновники поторопятся с оформлением документов ребенка к вашему отъезду, даже если американцы не расшевелиятся?

Кейт энергично кивнула. Опустив глаза, она с удивлением обнаружила, что все еще сжимает в руках бумажный стаканчик.

– А сколько надо на лапу? – спросил О’Рурк. – Румынскому чиновнику, я имею в виду.

Кейт нахмурилась.

– Нисколько. То есть я ожидала каких-то... ожидала, что придется заплатить пять-шесть тысяч долларов... но не пришлось. Мистер Станку, чиновник из министерства... он не упомянул, а я... нет.

Священник с минуту переваривал эту новость. В его глазах Кейт прочла недоверие и вытащила из сумочки ворох документов.

– Вот, взгляните, мистер О’Рурк. Они были готовы уже сегодня утром. Лучан говорит, они отвечают всем официальным требованиям и этого вполне достаточно. Я пыталась показывать их посольским чинушам... *нашим* чинушам... но эти безмозглые сучьи дети так задирают носы, что...

Она замолчала и вздохнула.

– Ничего, миссис Нойман, ничего. – Священник деликатно, но твердо положил ладонь на руку Кейт. – Подождите-ка здесь немножко, ладно?

Он принес ей еще один стакан воды. Но Кейт не могла пить – она чувствовала, что злость комом стоит в горле, как тошнота. Много лет она не теряла контроля над ситуацией до такой степени.

Отец О’Рурк просунул голову в ближайшее окошко.

– Донна, можно воспользоваться твоим кабинетом? Да-да, всего пару минут, честно. Я сниму трубку, если позвонит его превосходительство. Спасибо, Донна, ты – чудо.

Кейт удивленно заморгала сквозь слезы, увидев, как из кабинки выходит молодая женщина. О’Рурк подмигнул ей и проскользнул внутрь. Кейт услышала, что он просит оператора на коммутаторе вывести его на линию спутниковой связи со Штатами, и узнала код округа Колумбия – 202.

Разговор продолжался не больше двух минут, и она улавливала только обрывки из него, поскольку мысленно все время возвращалась к тому, что ей следовало сказать мистеру Кроули из посольства.

– Привет, Джим... Да, Майк О’Рурк, верно... Отлично, все отлично... А ты как? Нет, на этот раз не из Лимы и не из Сантьяго... Из Бухареста. Точно.

Кейт закрыла глаза. Она, одна из первых пятнадцати гематологов Западного полушария, слушает, как какой-то приходский священник треплется с кем-то из своих старых приятелей, – возможно, с другим священником из Джорджтаунского университета или еще откуда-нибудь...

– ...Совершенно верно, – сказал О’Рурк в трубку. До Кейт дошло, что он сумел объяснить ее затруднения с визой не более чем в десяти словах. – Именно так, Джим... Мозги у тебя еще мхом не заросли со времен велосипедных дозоров. Она одна из немногих американок, что я повидал здесь за полтора года, и она хочет усыновить действительно приютского ребенка, очень больного... Больной, но совершенно не заразный... а этот хрен из отдела виз вставляет палки в колеса. Да... Согласен, вопрос жизни и смерти.

Кейт почувствовала, как ее обдало холодом, когда она услышала это из чужих уст. Джошуа. Умер. Она вспомнила крошечные пальчики, доверчивые глаза... И словно вновь воочию увидела бесчисленные безымянные могилки возле детских домов и больниц в Бухаресте и других местах.

– Хорошо, Джимми... Тебе того же, старик... Кев, думаю, пока в Хьюстоне... А Дейл работает над очередной книжкой в Грэнд-Тетоне или еще где-нибудь... Нет-нет, у Лоренса это уже третья свадьба, он приглашал меня. У них был какой-то знаменитый гонщик, который подрабатывает в качестве дзен-гуру. Он-то и провел церемонию... И тебе, амиго. Еще позвоню.

О’Рурк вышел из кабинки и коснулся ее колена жестом отца, успокаивающего плачущего ребенка. Кейт подавила распиравшую ее злость. Она стала вспоминать знакомых гематологов, администраторов из ЦКЗ, репортеров, газетчиков, медицинских обозревателей. Среди них наверняка найдется кто-нибудь с большим весом, чем джорджтаунский приятель О’Рурка. Кто-нибудь окажет давление на Госдепартамент. За три дня?

– Я провожу вас до больницы, – сказал священник.

– Хорошо, – согласилась Кейт. Прежде чем они вышли из здания посольства, она сжала его локоть под черным рукавом пальто. – Спасибо, мистер О’Рурк. Спасибо за попытку помочь.

– Ради бога, миссис Нойман...

Они были уже в дверях, когда сверху буквально слетел по ступенькам мистер Кроули. Он так спешил, что почти скользил по мраморному полу. Волосы его растрепались, галстук съехал набок, на раскрасневшемся лице выделялось бледное пятно вокруг рта, а в глазах было такое выражение, что Кейт подумала, уж не полное ли и окончательное крушение карьеры только что привиделось этому чиновнику с ускользающей фамилией.

– Миссис... м-м-м... доктор Нойман! – воскликнул он с явным облегчением в голосе. – Я рад, что мне удалось перехватить вас. Произошло недоразумение... Боюсь, я сам допустил ошибку.

Он протянул ей ворох бумаг.

– Мы устроим так, что заявление на визу будет рассмотрено до завтрашнего утра. Эта временная виза должна удовлетворить румынские власти, если у них возникнут какие-нибудь вопросы...

Уже позже, по дороге в больницу, Кейт спросила О’Рурка:

– Кстати, а что вы делали в посольстве?

– Приходил по делам.

– Что-нибудь насчет сомнительных усыновлений?

Он пожал плечами. У Кейт вдруг совершенно некстати мелькнула мысль, что он в своем черном наряде с белым воротничком выглядит очень опрятным, симпатичным мужчиной, настоящим ирландцем.

– Иногда, – сказал священник, – я не только препятствую, но и содействую.

– Вы очень помогли мне. Возможно даже, что вы дали Джошуа последний шанс выжить. – Кейт помолчала, глядя на поток машин, проносащихся по бульвару Бэлческу. – А как фамилия вашего друга Джима?

Отец О’Рурк потер подбородок.

– Извольте. Харлен.

– Сенатор Харлен? Сенатор Джеймс Харлен, возглавляющий Комитет по иностранным делам?...

Которого Госсекретарь Бейкер хотел взять заместителем, хоть он и из другой партии? Тот, которого в восемьдесят восьмом году Дукакис чуть не назначил кандидатом в вице-президенты вместо Ллойда Бентсена?

Священник улыбнулся.

– Джимми оказался прав, когда решил, что это будет не лучшим ходом. Я же хотел, чтобы он баллотировался, и это лишь показывает мою наивность. Но он собирается дождаться девятости шестого года и выйти на выборы... не в роли вице-президента. Из демократов только он да Куомо обладают всеми необходимыми для президента качествами... А у Джимми, мне кажется, для этого хватит и энергии, и новых идей.

– И вы с ним друзья, – сказала Кейт, лишь потом сообразив, насколько глупо это прозвучало.

– Были друзьями. Давным-давно.

О’Рурк смотрел в сторону Национального бюро по туризму на противоположной стороне бульвара, но взгляд у него был отсутствующий.

– Если бы я верила в чудеса, то сказала бы, что они постоянно происходят со мной в последнее время, – призналась Кейт.

При этих словах ее охватило странное чувство. «Это правда. Это не сон. У меня будет ребенок». Она испытывала то же ощущение, что и в юности, когда, преодолевая страх, стояла на краю пятнадцатифутового трамплина в Кенморском муниципальном бассейне: и прыгнуть боязно, и отступить гордость не позволяет.

– Единственным чудом кажется то, что румынский чиновник из министерства оказывает услугу без взятки, – задумчиво произнес О’Рурк.

Заметив, что она дрожит, он хотел было взять ее за руку, но передумал. Кейт почувствовала на себе его внимательный взгляд.

– Знаете, миссис Нойман, если мальчику суждено выжить, то чудеса придется делать вам.

– Знаю, – ответила она. Затем, осознав, что, кажется, не произнесла это вслух, повторила громко и отчетливо:

– Я знаю.

Глава 12

Кейт и Джошуа должны были вылететь в Соединенные Штаты в понедельник, двадцатого мая, но еще накануне вечером, в воскресенье, она не сомневалась, что их не выпустят из страны.

ЮНИСЕФ, который совместно с Международным фондом помощи ЦКЗ патронировал ее шестинедельную поездку в Румынию, заранее прислал ей билет на рейс «Пан-Америкэн», а поскольку в аэропорту Отопени не принимали телефонных подтверждений заказов, Кейт чуть ли не каждый час звонила в Национальное бюро по туризму, чтобы убедиться в его правильности. Мало того, она заставила Лучана два раза съездить в аэропорт в субботу и три – в воскресенье, дабы удостовериться, что рейс не отменен, а ее место забронировано. Хотя Джошуа отдельный билет был не нужен, она попросила Лучана проверить и это.

Мистер Станку – низенький, краснощекий, жизнерадостный человек, представляющий собой полную противоположность стереотипу восточноевропейского бюрократа и ни в чем не похожий на других встречавшихся Кейт румынских чиновников, – подтвердил, что выездная виза Джошуа оформлена правильно и имеет законную силу. На формальном требовании насчет получения согласия одного из родителей никто не настаивал. С румынской стороны процедура усыновления оказалась на удивление простой.

Американское посольство действовало медленнее, но в субботу днем мистер Кроули уже оформил выездную визу для Джошуа. Лучан приносил в больницу фотоаппарат, чтобы снять ребенка, но оказалось, что фотография не нужна. В США все формальности будут завершены в Центре по усыновлению в Скалистых горах, штаб-квартира которого располагается в Денвере, и потому у Кейт вряд ли возникнут проблемы, когда она окажется на месте.

Поначалу главный администратор Первой окружной больницы господин Попеску был не очень-то доволен тем, что эта вспыльчивая американка забирает одного из его подопечных, причем ничего не заплатив ему за такую возможность; но звонки из Министерства здравоохранения и заверения румынских педиатров в том, что у ребенка почти нет шансов выжить, а его дальнейшее содержание повлечет за собой лишь дополнительные расходы для больницы, успокоили его до такой степени, что в последний день работы Кейт он только глуповато ей улыбался.

Все бумаги были наконец оформлены. «Пан-Америкэн» получила уведомление, что в США перевозят очень больного ребенка, и приготовила во Франкфурте дополнительное медицинское оборудование. В самолет Кейт взяла свой медицинский саквояж, укомплектованный запасами из Красного Креста, а также контрабандными одноразовыми шприцами в стерильных упаковках, внутривенными капельницами и антибиотиками из Западной Германии, которые Лучан каким-то образом стянул из мединститута. Кейт была очень растрогана, поскольку знала, какие деньги за все это можно выручить на черном рынке.

И хотя ее нет-нет да и посещала мысль о том, что все эти припасы должны бы остаться в Румынии и помочь хоть нескольким из многих тысяч больных детей здесь, она гнала эту мысль прочь и знала, что пойдет на все, украдет что угодно, сметет на своем пути любого, лишь бы спасти Джошуа. Для самой Кейт, почти двадцать лет свято соблюдавшей врачебную этику, собственное поведение стало потрясением.

Она с четверга пыталась дозвониться до Тома, своего бывшего мужа, но автоответчик в Боулдере выдавал одну и ту же запись, сделанную его низким, веселым, мальчишеским голосом, сообщавшую, что он спускается по реке Арканзас и вернется, когда вернется. Желаящим предлагалось оставить сообщение. Кейт оставила четыре сообщения, каждое из которых было чуть более связным, чем предыдущее.

Ее разрыв с Томом, случившийся шесть лет назад, имел скорее спокойный, чем драматический характер и произошел мирно, без злобы. Они вошли в тот один процент разведенных, чьи взаимоотношения становятся более дружескими после развода, и частенько встречались, чтобы поужинать или выпить вместе после работы. Тому недавно стукнуло сорок, но он продолжал оставаться здоровым, как тот бык из поговорки, и привлекательным на манер Тома Сойера. В конце концов он осознал, что так и не повзрослел. В Боулдере он работал инструктором по водному туризму, но по совместительству мог быть и альпинистом, и велогонщиком, и проводником в Гималаях, и фотографом-пейзажистом. Занимавшая все его время профессия искателя приключений служила идеальным оправданием того – как он и сам уже признал, – что он так и не стал взрослым.

А что касается Кейт, то за последние месяцы она выросла даже слишком, и ее чересчур уж взрослая часть души вытеснила все те остатки ребячества, которые роднили их с Томом в старые времена. Разговоров о воссоединении они не вели – Кейт не сомневалась, что ни один из них не способен представить себе совместную жизнь по второму кругу, – но общались гораздо раскованнее и куда непринужденнее обменивались своими небольшими проблемами и большими секретами. Много лет они уверяли друг друга, каждый по своим соображениям, что дети в их жизни не нужны, и вот теперь доктор Кейт Нойман, тридцати восьми лет, везет домой ребенка.

Позвонив в воскресенье вечером, Том застал ее в квартире на улице Штирбей Водэ. Его поход на плотях был удачным. Полученное от Кейт сообщение показалось ему невероятным. Голос Тома представлял собой обычную смесь мальчишеской энергии и боулдерского энтузиазма. Услышав его, Кейт чуть не заплакала.

– Боюсь, ничего не получится, – сказала она. Связь была ужасной. Отраженные звуки, задержки, глухие шумы, свойственные трансатлантическим переговорам, усугублялись шорохом, скрежетом, щелканьем и прочими помехами румынской телефонной связи. И все же Том ее слышал.

– Почему ты сомневаешься, если с бумагами порядок? Ребенок... Джошуа... Ты хочешь сказать, с ним что-то не то?

– Нет, сейчас он в порядке.

– Тогда что?...

– Я не знаю, – вздохнула Кейт. Она сообразила, что если в Бухаресте сейчас семь часов вечера – насыщенный майский свет заливал орех за окном, – тогда в Боулдере должно быть десять утра.

– Я просто ужасно боюсь, что ничего не получится. Что нас что-нибудь... остановит.

Голос Тома звучал серьезно как никогда.

– Это на тебя не похоже, Кэт. Что случилось с той Железной Леди, которую я знал и любил? С той женщиной, которая хотела исцелить весь мир, даже если он не захочет исцеляться?

Мягкость его тона не соответствовала словам, а «Кэт» заставило ее вздрогнуть. Так он называл ее в ранние дни замужества, когда они предавались любовным утехам.

– Это из-за обстановки, – сказала она. – Тут начинаешь чувствовать себя параноиком. Кто-то мне говорил, что во времена Чаушеску каждый третий или четвертый в стране служил платным осведомителем. – В телефоне пощелкивало и посвистывало. Огромное расстояние гулом отдавалось в проводах. – Я вдруг подумала, что нам не стоит говорить по телефону.

– Жучки? Запись разговоров? КГБ – или как оно там называется у румын? – донесся голос Тома сквозь треск помех. – Черт с ними.

– А счета за телефон? – Кейт сделала попытку улыбнуться.

– Ладно, и на АТТ тоже плевать. И на Эм-Си-Ай. Или с кем там у меня договор?

Кейт все же улыбнулась. Во времена замужества за телефон всегда приходилось платить ей. Том редко представлял себе, кому они платят и за что. А кто сейчас, интересно, оплачивает его счета?

– Во сколько ты будешь завтра в Степлтоне? – Голос Тома был еле слышен из-за шумов на линии. Кейт закрыла глаза и вслух стала вспоминать маршрут:

– Из Бухареста на Франкфурт через Варшаву рейсом 170 в семь десять утра. Из Франкфурта рейсом 67 в десять тридцать утра прибытием в аэропорт Кеннеди в час ноль пять дня. Потом из Кеннеди рейсом 97 прибытием в Денвер в семь пятьдесят восемь вечера.

– Ого, – сказал Том. – Тяжелый день для малыша. Да и для мамыши.

В наступившей секундной паузе слышен был лишь приглушенный шум на линии.

– Я буду встречать тебя в Степлтоне, Кейт.

– Не стоит...

– Я *буду* тебя встречать.

Кейт не стала спорить.

– Спасибо, Том, – сказала она. – Ах да... захвати с собой сиденье для машины.

– Что захватить?

– Сиденье для ребенка в машине.

Послышался приглушенный смешок. Том чертыхнулся.

– Отлично, – сказал он наконец. – Я весь день буду искать это дурацкое сиденье. Считаю, что оно у тебя есть, Кэт. Я тебя люблю. До завтра.

Он резко положил трубку, что всегда заставляло Кейт врасплох. Внезапно наступившая после разговора тишина была невыносимой. Она в сотый раз мерила шагами комнату, проверяя багаж – все упаковано, кроме пижамы и туалетных принадлежностей, – в пятидесятый раз просмотрела бумаги в дорожной куртке типа «сафари в банановой республике»: паспорт, ее виза, виза Джошуа, документы на усыновление, заверенные министерством и американским посольством, сертификат о прививках, справка об инфекционных заболеваниях, письмо из канцелярии господина Станку с просьбой оказать помощь при лечении и аналогичное письмо от ведомства Кроули из американского посольства. Все на месте. Все проштамповано, утверждено, заверено и запечатано.

Но что-нибудь обязательно будет не так. Она точно знала. Любые шаги в подъезде или во дворе дома могли принадлежать какому-нибудь чиновнику с известием: Джошуа умер, после того как она оставила его мирно спящим в больничной кровати. Или министерство отменило разрешение. Или...

Что-нибудь обязательно случится.

Кейт приняла предложение Лучана отвезти ее в аэропорт. У отца О'Рурка с утра были какие-то дела в Тырговиште, городке в пятидесяти милях к северу от столицы, но он обещал, что подъедет к больнице к шести утра, когда она планировала забрать оттуда Джошуа. Все было продумано, обговорено, упаковано... Она даже заставила Лучана помочь ей разобраться с расписанием «Восточного экспресса» на Будапешт – на тот случай, если авиакомпании «Пан-Америкэн» и «Таром» вдруг перестанут обслуживать Бухарест... Но все же Кейт не оставляли мучительные сомнения: что-нибудь обязательно должно случиться.

В десять вечера она надела пижаму, почистила зубы, поставила будильник на 4:45 и забралась в постель, зная, что не уснет. Уставившись в потолок, она пыталась представить, как спит Джошуа – на спине или на животе?... Закреплена ли капельница, которая должна напоследок подкрепить его силы перед завтрашними испытаниями?...

Для Кейт началась долгая бессонная ночь ожидания.

Сны крови и железа

Я смотрел из этих окошек... этих маленьких окошек, через которые сейчас до меня доходит так мало света... Я стоял возле них, когда мне было три или четыре года, и смотрел, как из переполненной тюрьмы на Ратушной площади через улицу к месту казни в Ювелирной башне вели воров, разбойников, убийц и злостных неплательщиков. Я вспоминаю лица этих людей, этих обреченных: немытые, с покрасневшими глазами, изможденные, бородатые и грубые... Как только до них доходило, что жить им остается лишь несколько минут, что вот-вот на шею им набросят веревку и палач столкнет их с помоста, несчастные принимались отчаянно озираться вокруг. Я вспоминаю, как однажды видел трех женщин, которых содержали отдельно в тюрьме Ратушной башни, как свежим осенним утром их вывели оттуда в цепях, провели через площадь на улицу, потом вниз, по вымощенному булыжником холму, и они скрылись от моего любопытного взгляда. Но какие это были мгновения, секунды безыскусного зрелища, когда я стоял в комнате отца, которая одновременно служила и залом суда, и личными покоями... О, эти нескончаемые мгновения экстаза!

Женщины, как и мужчины, были одеты в грязные лохмотья. Я видел их груди под обрывками ветхой коричневой ткани. Тела их покрывала тюремная грязь и потеки крови – следы грубого обращения тюремщиков. Но груди их были белыми и беззащитными. Я видел, как мелькают грязные ноги и бледные бедра; я увидел темное пятно меж бедер, когда упала самая старая из них, раскинув ноги и заскользив по булыжникам, в то время как стражник тащил их, визжащих и вопящих, на длинной цепи. Но больше всего мне запомнились их глаза... такие же перепуганные, как и у заключенных мужчин, раскрытые так широко, что белки, окружавшие темные радужки, делали их похожими на глаза кобылицы, которая понесла, почуяв запах свежей крови или присутствие жеребца.

Именно тогда я впервые ощутил возбуждение – нарастание нервной дрожи в груди при виде того, как осознание неизбежности смерти нисходит на этих мужчин и женщин, – возбуждение и пульсирующую чистоту этого чувства. Я вспоминаю, как перестали меня держать ослабевшие ноги и я упал на отцовское ложе возле этого самого окна. Сердце мое бешено колотилось, а образы этих напряженных, обреченных мужчин и женщин неизгладимо стояли у меня перед глазами даже после того, как от их криков осталось лишь эхо, а затем и оно растаяло в прохладном воздухе, проникающем в раскрытые окна отцовской комнаты.

Отец мой, Влад Дракула, приговорил этих людей к повешению. Точнее, утвердил приговор всего лишь кивком или движением руки. Именно отец создал, а теперь исполнял законы, обрекающие на смерть этих людей. Именно он навел на них ужас, призвав Смерть, пульсирующее биение которой ощущалось на площади внизу.

Я вспоминаю, как лежал на том ложе, чувствовал, как мое сердце медленно возвращается к нормальному состоянию, ощущал первую вспышку замешательства – следствие странного возбуждения... Я лежал в комнате и думал: «Когда-нибудь и я стану обладателем этой власти».

Именно в этой комнате я впервые пил из Чаши, когда мне исполнилось четыре года. Я отчетливо все помню. Матери не было. Той ночью присутствовал отец с пятью другими мужчинами, одетыми в церемониальные облачения драконистов – зелено-красные, с капюшонами, которых я до того ни разу не видел. Я вспоминаю яркий гобелен позади отцовского трона, вывешиваемый только на эту ночь: огромный дракон, свернувшийся в золотое чешуйчатое кольцо, разинул устрашающую пасть, расправил крылья с могучими лапами, оканчивающимися алчно скрюченными когтями. Я вспоминаю свет факелов и невнятно произносимые ритуальные формулы ордена Дракона. Вспоминаю, как подносили Чашу... вкус первой крови. Вспоминаю сны, посетившие меня той ночью.

Именно в этой комнате в 1436 году от Рождества Христова, когда мне было пять лет, я слышал, как отец объявил всему двору о намерении завладеть землями и титулом своего умершего единокровного брата Александра Алди и стать, таким образом, первым полновластным князем Валахии. Я вспоминаю стук подкованных копыт, разносящийся в зимнем воздухе, скрип кожи, смертоносное позвякивание железа о железо, когда той декабрьской ночью мимо наших окон проходила конница. Я вспоминаю, как любил великолепие столичного города Тырговиште... В памяти воскресает чувственное восприятие итальянских, венгерских, латинских слов, выученных там, и каждый новый звук, отдающийся во рту насыщенным вкусом крови. Я помню волнение, охватывавшее меня во время суховатых занятий по истории, которые вели боярин-наставник и старые монахи. Сколь скоротечным оказалось то чудесное время!

Мне было двенадцать лет, когда отец отдал меня и моего единокровного брата Раду в заложники турецкому султану Мураду. Возможно, когда мы ехали в Галлиполи на встречу с султаном, он не собирался так поступить. Однако, едва мы достигли городских ворот, отец был схвачен людьми султана и позже отец поклялся на Библии и Коране, что не будет противиться его воле, а в подтверждение этой клятвы нас оставили при дворе правителя. Раду было всего восемь лет, и я помню его слезы, когда нас в повозке под охраной отправили из Галлиполи в крепость Эгригоз, что в западной Анатолии, в провинции Караман.

Я не плакал. Я вспоминаю, какой холодной была та зима, насколько непривычной казалась тамошняя пища, как слуги, следившие за нашими желаниями, еще и запирали двери в наши покои, едва только ранние сумерки опускались на этот город в горах. Я вспоминаю, как поражены были люди султана, когда им объяснили обряд Чаши, но они восприняли это как еще один варварский обычай, присущий христианству. А поскольку их тюрьмы были переполнены преступниками, рабами и военнопленными, ожидавшими смерти, отыскать жертвы оказалось делом нетрудным. Впоследствии нас перевезли в Токат, а еще позже – в Адрианополь, где мы жили и выросли в обществе султана.

Мурад считался жестоким человеком, но все же он был менее жесток, чем наш отец и относился к нам в большей степени по-отечески. Помню, однажды он коснулся моей щеки, когда я, волнуясь, показывал ему, как летает и нападает сокол, которого я помогал дрессировать. Его неожиданное легкое прикосновение было довольно продолжительным.

К концу моего шестилетнего пребывания там я чаще стал думать на турецком, чем на родном языке, и даже теперь, когда силы мои угасают, а сознание мутится, мои полусонные мысли облечены в турецкие слова.

Раду с детства имел приятную внешность и остался красавчиком к моменту появления первых признаков мужественности. Я же был уродлив. Раду пресмыкался перед нашими наставниками – философами и учеными. Я же сопротивлялся их усилиям воспитать нас в духе византийской культуры. Раду избегал Чаши, в то время как я испытывал потребность пить из нее сначала еженедельно, а не раз в месяц, а затем и ежедневно. Раду доставались поощрения и ласки от наших тюремщиков и наставников, а на мою долю приходились лишь побои. К тринадцати годам Раду научился угождать и женщинам из гарема, и мужчинам-придворным, что приходили в наши покои поздно ночью.

Я ненавидел своего сводного брата, и он отвечал мне ненавистью, смешанной с презрением. Мы оба понимали, что если выживем – а каждый из нас был преисполнен решимости сделать это по-своему, – то когда-нибудь станем врагами и соперниками из-за отцовского трона.

Раду шел к трону своим путем, сделавшись фаворитом султана Мурада II и гаремным юношей у его преемника Мехмеда. Он оставался в Турции до 1462 года: в свои двадцать семь Раду все еще считался красавчиком, но уже не мог быть гаремным юношей. Когда султан пообещал ему титул моего отца, выяснилось, что на трон претендует некто более дерзкий и изобретательный. Претендентом оказался я.

Я вспоминаю тот день – мне уже исполнилось шестнадцать, – когда до нас, находившихся при дворе султана, дошло известие о смерти отца. Случилось это поздней осенью 1447 года. Казан, вернейший стольник моего отца, пять дней скакал до Адрианополя, чтобы принести эту весть. Подробности были немногочисленными, но печальными. Подстрекаемые алчным королем Венгрии Хуньяди и его валахским союзником боярином Владиславом II, жители Тырговиште подняли мятеж. Мой родной брат Мирча был схвачен в Тырговиште и заживо зарыт в землю. Моего отца Влада Дракулу выследили и убили в болотах Балтени, неподалеку от Бухареста. Казан сообщил нам, что тело отца доставлено в тайную часовню в окрестностях Тырговиште.

Казан, чьи старческие глаза слезились больше обычного, вручил мне два предмета. Отец попросил передать их мне в качестве наследства, когда они бежали к Дунаю, а по пятам за ними следовали убийцы. Наследство состояло из превосходного меча толедской работы, подаренного отцу в Нюрнберге императором Сигизмундом в год моего рождения, и золотого медальона в виде дракона, полученного отцом при вступлении в орден Дракона.

Повесив медальон на шею и подняв высоко над головой меч, клинок которого блеснул при свете факелов, я произнес клятву перед лицом Казана, и только Казана.

«Клянусь кровью Христа и кровью Чаши, – воскликнул я твердым голосом, – что Влад Дракула будет отмщен и я самолично выпущу кровь Владислава и выпью ее, а те, кто задумал и осуществил предательство, оплатят тот день, когда они убили Влада Дракулу и сделали своим врагом Влада Дракулу, Сына Дракона. До этого дня они не знали истинного страха. И я клянусь кровью Христа и кровью Чаши, и пусть все силы Небес и Преисподней придут ко мне на помощь в этом святом деле».

Я вложил меч в ножны, похлопал по плечу плачущего стольника и вернулся в свои покои, где лежал, не смыкая глаз, и обдумывал планы побега от султана и мести Владиславу и Хуньяди.

И теперь я лежу и не сплю, думая о том, что как клинки из толедской стали закаляются в огнедышащей печи, так и люди закаляются в горниле боли, потерь и страха. И так же, как и мечи искусной работы, людские клинки, закаленные таким образом, не теряют смертоносной остроты в течение столетий.

Свет погас. Я делаю вид, что сплю.

Глава 13

Колорадский филиал Центра по контролю за заболеваниями занимал здания на предгорье над Боулдером, в зеленом поясе под геологическим образованием, известным как Флатироны. Местные жители по привычке называли этот комплекс НЦАИ, поскольку в течение двадцати пяти лет здесь размещался Национальный центр атмосферных исследований. Когда год назад НЦАИ стало тесно в этих стенах и он переехал на новое место в городе внизу, ЦКЗ успел перехватить комплекс для своих нужд.

Здание было спроектировано И. М. Пеем и построено из той же темно-красной породы, из которой состояли огромные, наклоненно вздымавшиеся глыбы Флатиранов, нависавших над Боулдером. Замысел архитектора основывался на том, что напоминающий песчаник материал будет выветриваться с такой же скоростью, как и сами Флатираны, вследствие чего здания «растворятся» в окружающей среде. Расчет Пеея в основном подтверждался. Хотя ночью огни в окнах ЦКЗ были отчетливо видны на фоне скал и лесов зеленого пояса, в дневное время туристы, скользнув взглядом по комплексу, часто оставались в полной уверенности, что это всего лишь еще одно необычное скальное образование, каких немало на всем протяжении Передней Цепи.

Кейт Нойман любила свой офис в Боулдерском ЦКЗ, и возвращение из Бухареста заставило ее увидеть прелесть этого места другими глазами. Ее кабинет располагался в северо-западной части современного здания, спроектированного Пееем в виде чередующихся вертикальных пластин и нависающих коробок из сланца и песчаника, с большими окнами. Сидя за рабочим столом, Кейт могла видеть огромную стену первых трех Флатиранов, уходящих на север, расположенные у их подножия луга с колышущейся волнами травой и сосновые леса у подножия Флатиранов, хребты горного массива Фаунтен, выглядывающие из-под тонкого слоя почвы, подобно гребню стегозавра, и даже сами прерии, начинающиеся от Боулдера и на всем обозримом пространстве простирающиеся на север и восток. Ее бывший муж Том говорил, что Флатираны были когда-то слоями осадочных пород под дном древнего внутреннего моря, поднятыми на поверхность примерно шестьдесят миллионов лет тому назад могучими горообразовательными процессами, происходившими в западном направлении от Скалистых гор. Теперь вид Флатиранов всегда напоминал Кейт бетонные плиты дорожки, вытесненные корнями деревьев.

Тропа начиналась сразу же от черного хода ЦКЗ, а за следующим хребтом виднелась более широкая Тропа Столовой горы. Под окном Кейт тут же появился олень, который принялся пощипывать травку, а сотрудники сообщили, что этим летом видели пуму, притаившуюся в ветвях деревьев не дальше сотни футов от здания.

Кейт, однако, не было никакого дела до всего этого. Она не обращала внимания на кучи бумаг, скопившиеся на ее столе, на курсор, мигавший на экране компьютера, а думала о своем сыне. Она думала о Джошуа.

Так и не заснув в ту последнюю ночь в Бухаресте, Кейт собрала свои вещи, поймала на темной и мокрой улице такси и поехала в больницу, чтобы посидеть рядом с Джошуа, пока не наступит время отъезда в аэропорт. Лифт в больнице не работал, и она побежала по лестнице, вдруг почему-то решив, что застанет кровать в третьем изоляторе пустой.

Джошуа спал. Последняя порция крови, прописанная ему Кейт накануне, вернула ребенку совершенно здоровый вид. Она уселась на холодную батарею, подперев подбородок кулаком, и смотрела, как спит ее приемный сын, пока первые лучи рассвета не забрезжили в грязных окнах.

Лучан заехал за ними в больницу. Бумажной волокиты здесь оказалось напоследок гораздо меньше, чем опасалась Кейт. Отец О'Рурк, как и обещал, приехал с ними попрощаться.

Когда они со священником пожимали друг другу руки на ступеньках у выхода, Кейт не удержалась и поцеловала его в щеку. О'Рурк улыбнулся, задержал ее лицо в своих ладонях, а потом – она даже не успела ничего подумать или возразить – благословил Джошуа, легонько прикоснувшись к его лбу большим пальцем и быстро перекрестив.

– Я буду думать о вас, – тихо сказал О'Рурк, открывая переднюю дверь «Дачии» для Кейт с ребенком. Затем взглянул на Лучана: – Езжайте поосторожнее, слышите?

Лучан только улыбнулся в ответ.

Дорога в аэропорт была почти пустой. Джошуа проснулся, но не заплакал, а лишь смотрел вверх своими большими, темными, вопрошающими глазами, лежа на руках у Кейт. Лучан, по-видимому, почувствовал тревожное состояние Кейт.

– Хочешь, расскажу один новый анекдот про Чаушеску? Нет, правда, совсем свеженький.

Кейт слабо улыбнулась. Потрепанные щетки устало стирали дождевые капли с ветрового стекла.

– А ты не боишься, что у тебя в машине есть микрофоны? – спросила она.

Лучан ухмыльнулся.

– Они работали бы не лучше, чем вся эта куча хлама, – ответил он. – Кроме того, Фронт национального спасения не имеет ничего против анекдотов про Чаушеску. А вот когда мы про НФС рассказываем, тогда они на ушах стоят.

– Ладно, – вздохнула Кейт, получше укутывая ребенка в легкое одеяло. – Давай свой бородатый анекдот.

– Ну вот. Незадолго до революции Великий Вождь просыпается как-то в прекрасном настроении и выходит на балкон, чтобы поздороваться с солнцем. «Доброе утро, солнце», – говорит он. И можешь себе представить, до чего он удивился, когда солнце ему ответило: «Доброе утро, господин президент». Чаушеску бежит в комнату и расталкивает Елену. «Проснись! – кричит он. – Теперь меня даже солнце зауважало». – «Замечательно», – говорит жена Вождя и переворачивается на другой бок. Чаушеску, испугавшись, уж не сошел ли он с ума, днем опять выходит на балкон. «Добрый день, солнце», – говорит он. А солнце опять почтительно отвечает: «Добрый день, господин президент...»

– Конец у этого анекдота есть? – перебила его Кейт. Далеко впереди уже замаячил въезд в аэропорт. Дождь усилился. Она стала опасаться, как бы не отменили рейс «Пан-Америкэн» до Варшавы.

– «Добрый день, господин президент», – ответило солнце днем, – продолжал Лучан. Он включил поворотник и, не обращая внимания на то, что лампочка не зажглась, въехал на длинную подъездную дорожку. – Чаушеску так разволновался, что захотел и Елену вытащить на балкон, но она как раз занималась макияжем. Наконец, уже ближе к закату, он все-таки убедил ее. «Смотри и слушай, – сказал он жене, которая вдобавок была еще и председателем Национального совета по науке и технике. – Солнце меня уважает». Он повернулся в сторону чудесного заката. «Добрый вечер, солнце», – сказал он. «Пошел в задницу», – ответило солнце. Чаушеску очень расстроился и потребовал объяснений. «Как же так? Утром и днем ты обращалось со мной вполне почтительно, – лопочет он, – а теперь меня обругало. Почему?»

Кейт заметила свободное место в ряду машин, выстроившихся вдоль изгиба дорожки, выходящей к зданию аэропорта, но не успела показать, как Лучан уже довольно ловко притер машину параллельно уже стоящей. При этом он не потерял нить своего рассказа.

– «Почему ты меня так оскорбило?» – не унимается наш Вождь. «Ты, дерьмо собачье, – отвечает солнце. – Сейчас-то я на Западе».

Лучан обошел вокруг машины и, пока Кейт с ребенком выходила, держал над ними зонтик. Кейт улыбкой выразила свою признательность – больше за его доброту, чем за анекдот. Они вместе пошли к зданию аэропорта. Лучан нес чемодан и держал зонтик, а Кейт несла сумку на плече и ребенка.

– У трансильванцев есть пословица про анекдоты вроде моего, – сказал Лучан: – *Ridem noi ridem, dar purceaua e moarta in cosar.*

– И что это означает?

Они вошли под тяжелый бетонный козырек здания аэропорта. Охранники в серой форме с автоматами равнодушно скользнули по ним взглядом.

– Это означает... Мы все смеемся, но поросенок в корзине сдох.

Лучан сложил зонтик, стряхнул с него воду и открыл плечом входную дверь. Внутри все оставалось таким же гнетущим, как и в день прилета Кейт: обширное бетонное гулкое пространство, грязное и замусоренное, охраняемое солдатами. Слева – обшарпанные длинные столы и неработающий транспортер таможни для прибывающих. Везде пусто. Впереди – контрольные пункты и занавешенные кабинки, через которые предстояло пройти Кейт и Джошуа.

Лишь после этого они смогут взойти на борт самолета «Пан-Америкэн».

Лучан поставил вещи на первый стол для досмотра и повернулся к ней. Провожających дальше не пускали.

– Ну... ладно... – начал он и замолчал.

Кейт еще ни разу не видела, чтобы ее юному другу и переводчику не хватало слов. Она обняла его свободной рукой и поцеловала. Он моргнул и легонько, робко коснулся ее спины. Служащий за стойкой с надписью «ПАСПОРТНЫЙ КОНТРОЛЬ» что-то отрывисто произнес, и Лучан отстранился, не сводя взгляда с Кейт. Ей показалось, что в глазах юноши, странным образом напоминавших в тот момент глаза Джошуа, застыл немой вопрос.

Чиновник сказал еще что-то, уже громче. Лучан наконец перевел взгляд и огрызнулся:

– *Lasama in pace!*²

На какую-то долю секунды чиновник будто ошелбенел от столь злостного неповиновения, но быстро пришел в себя и щелкнул пальцами. Тут же появились три дюжих молодца в форме.

Кейт уловила что-то вроде отчаяния в глазах Лучана. Она снова обняла друга, одновременно неловким движением вытаскивая свой паспорт и, словно волшебный амулет, выставляя его перед охранником.

Волшебство помогло... во всяком случае, на время. Охранники колебались. Чиновник что-то злобно рявкнул Лучану и скрестил руки. Охранники посмотрели на него, потом – опять на Лучана и Кейт.

– Прошу прощения, – обратилась к ним Кейт. – Но мой друг очень расстроился. Мы тяжело переживаем разлуку. Лучан, скажи джентльмену, что у нас есть для него кое-что...

Лучан не сводил глаз с чиновника, но заговорил, когда Кейт уцепилась за руку.

– Что? Ой... *aveti dreptate, imi pare rau...* *Avem ceva pentru dumnneavocestra.*

Кейт разобрала фразу, означавшую: «Я думал о вас». Эти слова служили вежливым предисловием к взятке – одним из правил повсеместно распространенной в Румынии игры «Как подступиться». Она вытащила из сумки три блока «Кента» и передала Лучану, который в свою очередь вручил их чиновнику на паспортном контроле.

Страж границы моргнул, нахмурился, но смахнул коробки с глаз долой. Отослав охранников, он бегло осмотрел багаж Кейт, одновременно задавая ей вопросы, после чего свалил вещи на выдающую виды тележку для багажа и сделал разрешающий жест. Кейт машинально шагнула вперед и вздрогнула, услышав, как захлопнулась калитка.

Она обернулась к Лучану, но вдруг поняла, что нахлынувшие чувства не дают ей сказать ни слова. Джошуа у нее на руках забеспокоился, заворочался и покраснел, что предвещало плач.

² Оставь меня в покое! (рум.)

– Я... – заговорила она и замолчала, чувствуя себя последней идиоткой, но даже не пытаясь скрыть слезы. Кейт и не помнила, когда последний раз плакала на людях.

– Эй, крошка, полный порядок! – крикнул Лучан, идеально копируя акцент южнокалифорнийского серфера. – Я найду тебя и Джошуа, когда приеду в Штаты на стажировку. Пока, ребята...

Он перегнулся через барьер и коснулся ее пальцев. Чиновник на паспортном контроле что-то сказал, и Лучан кивнул, не отводя взгляда от Кейт и ребенка. Потом он повернулся и пошел не оглядываясь через пустое пространство зала.

Кейт пронесла Джошуа по узкому коридору и вышла в зону вылета и прибытия. Из невидимых громкоговорителей доносились звуки народной румынской музыки в детском исполнении, но голоса были такие пронзительные, а запись сделана с такими шумами и искажениями, что радости это доставляло мало. У Кейт мелькнула шальная мысль о хоре людей, подвергшихся пыткам. Здесь было еще с дюжину пассажиров, ожидающих объявления о посадке. По их неказистой одежде Кейт определила, что это или румынские чиновники, направляющиеся в Варшаву, или поляки, возвращающиеся домой. Она не увидела ни американцев, ни немцев, ни англичан – ни одного туриста.

Беспокойно озираясь, Кейт остановилась немного в стороне от всей группы. Огромное пространство зала предназначалось для сотен людей, и сводчатый потолок уходил вверх футов на шестьдесят, если не больше. Любой скрип обуви или кашель отдавались беспощадным эхом. У северной стены виднелись несколько киосков – пункт обмена валюты по официальному курсу, Национальное бюро по туризму с запыленной эмблемой, – но возле них никого не было. Большинство в ожидании посадки курили и поглядывали украдкой на вооруженных охранников, стоявших возле лестницы на нижний этаж, у калиток и таможенных стоек. Кроме того, охранники расхаживали по двое с автоматами на изготровку по пустынному залу.

Джошуа снова заворочался, но Кейт быстренько его покачала, поворковала и дала пустышку. Она пожалела о том, что у нее самой нет пустышки для успокоения, и это дурацкое желание вдруг помогло ей понять, почему в полицейских государствах Восточной Европы так много заядлых курильщиков.

Она подошла к высокому узкому окну. На площадке перед зданием аэропорта стояли два самолета: тот, что поменьше, – явно какой-то правительственный; другой лайнер, похожий на «ДС-9», ожидает их с Джошуа, чтобы доставить в Варшаву, откуда они продолжат свой путь до Франкфурта. Между самолетами проехали несколько тяжелых бронетранспортеров, выпустив в насыщенный туманом воздух густые клубы дыма. Кейт увидела и танки, расставленные вдоль взлетной полосы, разглядела пушки под маскировочной сетью. Солдаты в серой униформе толпились возле грузовиков и вокруг костров, разведенных в каких-то бочках.

Поодаль вдоль заросшей сорняками взлетной полосы выстроились в линию реактивные самолеты авиакомпании «Таром». Эти лайнеры, отдаленно напоминавшие «Боинги-727», явно знавали лучшие времена до того, как были здесь брошены: ржавые, с латками на крыльях и фюзеляжах; у одного были спущены два колеса. Кейт вдруг разглядела расхаживающих под самолетами вооруженных охранников, пытающихся укрыться от проливного дождя, и невольно вздрогнула, сообразив, что эти самолеты почти наверняка все еще летают.

Она очень порадовалась тому, что заплатила почти вдвое больше, чтобы лететь до Варшавы и Франкфурта самолетом не румынской авиакомпании, а «Пан-Америкэн».

– Миссис Нойман?

Она резко обернулась и увидела перед собой двух агентов службы безопасности в черных кожаных пальто. Неподалеку стояли три солдата с автоматами.

– Миссис Нойман? – повторил агент, который был повыше ростом.

Кейт кивнула. Помимо ее воли на ум пришли сцены из старых фильмов про войну, где гестаповцы задерживали отъезжающих. Она внутренне содрогнулась, живо представив себе,

каково это – находиться в таком обществе, когда у тебя на пальто нашита желтая звезда Давида, а в паспорте стоит штамп «Jude». Кейт ожидала, что эти типы – самые настоящие современные гестаповцы – потребуют предъявить документы.

– Ваш паспорт, – бросил высокий. Лицо его было изрыто оспинами, а зубы имели коричневый оттенок.

Она подала ему паспорт, постаравшись ничем не выдать тревогу, когда он не глядя сунул его в карман.

– Сюда, – сказал он, показав в сторону отгороженной занавесками ниши.

– Что все это... – начала было Кейт, но замолчала, когда второй агент тронул ее за локоть. Она отдернула руку и последовала за высоким по усеянному мусором полу. Остальные ожидающие, покуривая и выпуская клубы дыма, наблюдали за происходящим.

В огороженной нише их встретила женщина-агент. Она показалась Кейт бесцветным подобием Мартины Навратиловой с ужасной прической. Но все легкомысленные сравнения тут же вылетели у нее из головы, как только Кейт поняла, что это мужеподобное чудовище собирается ее обыскивать.

Рябой вынул из кармана паспорт, долго разглядывал документ, не забыв проверить даже его прошивку, потом бросил что-то по-румынски своим коллегам и повернулся к Кейт:

– Вы усыновить ребенок, да?

Кейт ощутила секундное замешательство, не будучи уверенной в том, что этот человек не шутит каким-то странным образом. Потом сказала:

– Да, я усыновила этого ребенка. Теперь он мой сын.

Оба агента перелистали паспорт и просмотрели пачку вложенных в него документов и справок.

Наконец рябой верзила поднял глаза и посмотрел на Кейт.

– Здесь нет знак родителей.

Кейт поняла, что он имел в виду подпись родителей. По новым румынским законам в случае усыновления румынского ребенка требовалась подпись по меньшей мере одного из настоящих родителей. С этим правилом Кейт была полностью согласна.

– Да, здесь нет подписи, – сказала она, медленно и отчетливо выговаривая слова, – но это лишь потому, что его настоящих родителей не удалось разыскать. Этот ребенок из детского дома. Брошенный.

Рябой прищурился.

– Чтобы ребенок усыновить, вы должны иметь знак родителей.

Кейт кивнула и улыбнулась, собрав все силы, чтобы не закричать.

– Да, я знаю, – сказала она, – но считается, что у этого ребенка нет родителей. – Она протянула руку и ткнула пальцем в бумагу. – Вот, смотрите, здесь есть документ, где говорится, что в данном случае подпись родителей не требуется. Он подписан... вот... заместителем министра внутренних дел. А здесь – министром здравоохранения... смотрите, вот здесь. – Она показала на розовый бланк. – А вот подписи администратора того детского дома, где находился Джошуа, и специального уполномоченного при Первой окружной больнице.

Агент нахмурился и почти презрительно перелистал документы. Кейт поняла, что за высокомерными манерами скрывается непроходимая глупость. «О господи, – подумала она, – как бы мне хотелось, чтобы здесь оказался Лучан. Или кто-нибудь из посольства... Или отец О'Рурк. Почему я вспомнила сейчас О'Рурка?» Она тряхнула головой и стала смотреть на троих агентов, всем своим видом выражая спокойное презрение, но без вызова.

– Alles ist in Ordnung³, – сказала она, даже не заметив, что перешла на немецкий. Почему-то этот язык сейчас показался ей более соответствующим моменту.

³ Все в порядке (нем.).

Женщина-агент вытянула вперед руки и что-то сказала.

– Ребенок, – пояснил рябой. – Дайте ей ребенка.

– Нет, – ответила Кейт спокойно, но твердо, хотя спокойствия-то у нее в душе как раз и не было.

Сказать «нет» секуристам – значило дать повод прибегнуть к насилию, даже в Румынии, где больше не было Чаушеску.

Мужчины-агенты нахмурились. Женщина нетерпеливо щелкнула пальцами и снова протянула руки.

– Нет, – твердо повторила Кейт. Ей представилось, как агентша уносит Джошуа, а двое других удерживают ее. Она вдруг поняла, что ее запросто могут разлучить с ребенком и она никогда больше его не увидит.

– Нет, – снова повторила Кейт.

Внутри у нее бушевала буря, но внешне она оставалась непреклонной и спокойной. Она улыбнулась обоим мужчинам и кивнула на Джошуа.

– Видите, он спит. Я не хочу его будить. Скажите, что вам нужно, и я все сделаю, но пусть он остается у меня.

Высокий покачал головой и бросил что-то женщине. Та, скрестив руки, отрывисто ответила. Он огрызнулся, хлопнул по паспорту Кейт, пошуршал остальными бумагами и приказал:

– Снимите с ребенка одеяло и одежду.

Кейт моргнула, ощутив, как в воздухе, подобно заряженным ионам перед грозой, скапливается злоба, но промолчала. Она развернула на Джошуа одеяло и расстегнула курточку.

Ребенок проснулся и заплакал.

– Тихо, тихо, – зашептала Кейт, свободной рукой кладя одеяло и курточку на замызганную стойку. Женщина что-то сказала.

– Снять пеленки, – пояснил высокий. Кейт переводила взгляд с одного лица на другое, пытаясь отыскать хоть тень улыбки, но напрасно.

Пальцы у нее слегка дрожали, когда она расстегивала английские булавки: даже в посольстве ей не смогли помочь с одноразовыми пеленками. Наконец она подняла Джошуа, уже голеньким. Без одежды он выглядел еще более болезненным: бледная кожа, выпирающие ребра, кровоподтеки на худеньких ручках в тех местах, куда ставили капельницу и вливали кровь. Его крошечные гениталии сморщились от холода, а на руках и груди появились мурашки.

Кейт крепко прижала Джошуа к себе и посмотрела на женщину.

– Все в порядке? Убедились, что мы не вывозим государственные ценности и золотые слитки?

Женщина окинула Кейт равнодушным взглядом, прощупала курточку и одеяльце, брезгливо покосилась на пеленки и, бросив что-то рябому, вышла из кабинки.

– Холодно, – заметила Кейт. – Я должна его одеть.

Она быстро завернула ребенка. Визгливый громкоговоритель в зале сквозь шум помех объявил о посадке на ее рейс. Кейт услышала, как пассажиры зашагали вниз по лестнице к выходу.

– Ждите, – велел рябой. Он бросил паспорт и бумаги Кейт на стойку и вышел вместе со своим напарником.

Кейт смотрела из-за ширмы, покачивая Джошуа. Зал ожидания опустел. Единственные часы, что висели над дверью, показывали 7:04. Время вылета 7:10. Ни одного из тех троих, что были с ней в кабинке, видно не было.

Она прерывисто вздохнула и погладила ребенка. Он дышал часто и неровно, будто снова замерзал.

– Тс-с-с, – прошептала Кейт. – Все нормально, малыш. – Она знала, что трактор, который тащит к самолету прицеп с пассажирами, вот-вот тронется. Как бы подтверждая это, из динамиков раздалось неразборчивое, но настойчивое объявление.

Не оглядываясь, Кейт сгребла бумаги со стойки, крепко прижала к себе Джошуа, вышла из кабинки и зашагала по бескрайнему пространству зала, высоко держа голову и глядя вперед. Два скучающих охранника возле лестницы заметили ее приближение и прищурились, глядя на нее сквозь сигаретный дым. Стремительно, но без суеты, Кейт показала паспорт и посадочный талон. Молодой охранник пропустил ее взмахом руки.

Внизу, возле лестницы, слонялся еще один охранник. Кейт видела, как последние пассажиры уже заходят в прицеп, стоявший снаружи. Выпуская клубы дыма, завелся двигатель трактора. Не отводя взгляда от двери, она пошла вперед.

– Стоп!

Кейт остановилась, медленно повернулась и, сделав над собой усилие, улыбнулась. Джошуа у нее на руках ворочался, но не плакал.

– Паспорт. – Маленькие глазки охранника сверкали на толстой физиономии, пухлые пальцы барабанили по стойке.

Кейт молча протянула ему паспорт, стараясь ничем не выдать беспокойства, пока румын внимательно просматривал документ. Прицеп с багажом уже отъехал. Пассажирский прицеп должен был вот-вот тронуться. Наверху, на лестнице послышались голоса и шаги.

– Мы можем опоздать, – тихо сказала она охраннику.

Тот поднял свои свинячьи глазки и хмуро оглядел Кейт и ребенка. С полминуты ей пришлось в молчании выдерживать этот взгляд. В бытность свою практикующим хирургом Кейт часто одним движением глаз поверх хирургической маски заставляла коллег и медсестер поторопиться. Так она сделала и сейчас, вложив в свой взгляд, обращенный на охранника, всю власть, приобретенную ею в течение жизни и профессиональной деятельности.

Толстяк опустил глаза, поставил в паспорте последний штамп и резко протянул ей документ. Кейт с трудом удержалась, чтобы не побежать с Джошуа на руках. Прицеп уже начал движение в сторону самолета, но остановился и подождал, пока она дойдет и поднимется внутрь. Поляки и румыны смотрели на нее равнодушно.

В самолет они сели минут за двенадцать до того, как он вырулил к началу взлетной полосы, но Кейт казалось, что время словно остановилось. Через забрызганный дождевыми каплями иллюминатор она видела двух агентов безопасности в кожаных куртках, которые переговаривались и покуривали у подножия лестницы. Это были не те, что задержали ее в здании аэропорта, но они имели портативные радиопередатчики. Кейт закрыла глаза. Ей хотелось молиться, а она не делала этого лет с десяти.

Три аэродромных техника убрали трап, и самолет вырулил к началу пустой взлетной полосы. За все время, что они находились в аэропорту, ни один другой самолет не взлетал и не садился. Набирая скорость, лайнер помчался по залатанной дорожке.

Кейт почти не дышала, пока не убрали шасси и Бухарест не превратился в беспорядочное, оставшееся где-то позади скопление поднимающихся над ореховыми деревьями белых зданий. Ее руки перестали дрожать, только когда она убедилась, что лайнер покинул воздушное пространство Румынии. Даже в Варшаве она чувствовала, как колотится сердце, пока не сменились экипажи и самолет не взял курс на Франкфурт.

Наконец из динамиков раздался голос пилота, говорившего с американским акцентом:

– Дамы и господа, наш полет проходит на высоте двадцать три тысячи футов. Мы только что миновали город Лодзь и примерно через... м-м-м... пять минут пересечем границу Германии. Погода довольно неприятная, как вы, полагаю, заметили, но мы уже вышли из грозового фронта, а из Франкфурта передают, что там солнечно и тепло, температура тридцать один

градус по Цельсию, ветер западный, скорость ветра – восемь миль в час. Надеемся, ваш полет будет приятным.

В небольшой иллюминатор вдруг ворвался сноп солнечного света. Кейт поцеловала Джошуа и позволила себе расплакаться.

Кейт Нойман отвела взгляд от затемненного окна в здании ЦКЗ и подняла трубку. Она даже не могла определить, как долго звонил телефон. Кейт смутно вспомнила, как некоторое время назад в дверь заглянула секретарша и сказала ей, что спускается в кафе на ленч.

– Доктор Нойман, слушаю.

– Кейт, это Алан Стивенс из центра визуализации. Я получил самые свежие картинки по результатам последнего обследования твоего сынишки.

– И что? – Кейт обнаружила, что машинально рисует в блокноте концентрические круги, которые уже почти полностью закрыли страницу. – Что там, Алан?

Последовала короткая пауза, во время которой она представила себе рыжеволосого инженера, сидящего в окружении многочисленных светящихся мониторов и с лежащим перед ним на пульте недоеденным сэндвичем.

– Пожалуй, Кейт, тебе лучше спуститься. Сама увидишь.

На длинной консоли стояли шесть видеомониторов, показывающих слегка различающиеся изображения внутренних органов девятимесячного Джошуа Ноймана. Это были не рентгеновские снимки, а сложные картинки, полученные с помощью магнитно-резонансной аппаратуры Алана. Кейт рассмотрела селезенку, печень, изгибы тонкой кишки, кривую нижней границы желудка...

– Что это? – спросила она, ткнув пальцем в середину экрана.

– Именно, – сказал Алан, поправляя очки с толстыми стеклами и откусывая от своего сэндвича. – А теперь давай сравним это с результатами компьютерной томографии, полученными три недели назад.

Кейт смотрела, как на видео-дисплейных терминалах совмещаются, увеличиваются, разворачиваются в трех измерениях изображения, чтобы можно было поближе разглядеть нижнюю часть желудка; как слои выстилки желудка выделяются дополнительными цветами, а потом пробегают во временной последовательности с цифровым усилением. Казалось, что на стенке желудка Джошуа растет некий придаток или абсцесс.

– Язва? – спросила Кейт, хотя уже за мгновение до этого знала: это не язва. Магнитно-резонансное изображение показывало твердую структуру аномалии. Она почувствовала холодок в груди.

– Нет, – ответил Алан, глотнув холодного кофе. Он вдруг увидел выражение лица Кейт, вскочил и пододвинул ей стул. – Садись, – сказал он. – Это и не опухоль.

– Разве? – Кейт почувствовала, что головокружение почти прекратилось. – Но что же еще?

– Смотри. Вот увеличенная серия томограмм магнитно-резонансного исследования на прошлой неделе.

Нижняя граница желудка опять имела нормальный вид. Число окрашенных слоев множилось, снова появился абсцесс, увеличился до размеров аппендикса и снова начал уменьшаться.

– Самопроизвольный рост? – спросила Кейт.

– То же явление, разница только во времени. – Алан показал на колонку дат справа от изображения. – Замечаешь связь?

Сначала Кейт ничего не заметила. Потом она придвинулась поближе к экрану и потерла верхнюю губу.

– В этот день Джошуа получал плазму... – Она крутанулась на стуле к тому монитору, где застыло неподвижное изображение предыдущего цикла, и, проведя пальцем по экрану,

добавила: – А в этот день три недели назад ему было сделано переливание крови. Значит, изображения показывают какие-то изменения внутренних органов ребенка, когда он получает кровь?

Алан отхватил от сэндвича добрый кусок и кивнул.

– Не просто изменения, Кейт, а некий базовый адаптационный процесс. Это образование никуда не исчезает, оно лишь становится более заметным, когда поглощает кровь...

– Поглощает кровь?! – Кейт сама удивилась невольно вырвавшемуся возгласу. Уже тише она продолжала: – Но, Алан, он ведь не поглощает кровь стенками желудка. Мы делаем Джошуа внутривенные инъекции... Мы же не даем ребенку бутылочку с кровью!

Алан кивнул, не обратив внимания на иронию в ее голосе.

– Все верно, но этот адаптационный... орган... или как там его... *поглощает* кровь, в чем нет никаких сомнений. Взгляни.

Он нажал несколько клавиш, и на всех шести мониторах возле аномального вздутия мигнул свет.

– В этом месте стенки кишечника насыщены венами и артериями. Их обилие служит одной из причин того, что возникновение язвы здесь проблематично. Но в данном случае, – он коснулся изображения опухолообразного вздутия, – эту штуку питает такая разветвленная артериальная система, какой я никогда не видел. И она поглощает кровь – можешь не сомневаться.

Кейт отодвинулась вместе со стулом.

– О господи, – прошептала она.

Алан поправил очки и продолжил:

– Но ты взгляни и на другие данные. Интересно не поглощение крови. Просмотри самую последнюю серию картинок. Дальше происходит что-то невероятное.

Кейт смотрела немигающим взглядом на новую серию томограмм и мерцающие колонки цифр. Когда все закончилось, она продолжала сидеть неподвижно и молча.

– Кейт, – шепнул Алан. В голосе его звучал почти благоговейный страх. – Что здесь происходит?

Кейт не сводила глаз с экрана.

– Не знаю, – ответила она наконец. – Ей-богу, не знаю. – Но все же где-то на уровне подсознания, тренированной интуиции, снискавшей ей славу одного из лучших диагностов ЦКЗ, Кейт *знала*. И это знание наполнило ее смертельным страхом и одновременно каким-то странным, восторженным возбуждением.

Глава 14

Дом Кейт Нойман стоял на высоком лугу в шести милях от Солнечного каньона над Боулдером. Кейт никогда не любила каньоны – она терпеть не могла нехватку солнечного света, особенно зимой; не нравилась ей и постоянная зависимость от угрозы оползней, если вдруг какому-нибудь валуну вздумается скатиться вниз по склону. Но за несколько миль до поворота к ее дому дорога выходила из широкой тени Солнечного каньона и бежала среди высоких хребтов. Кейт считала расположение своего дома почти идеальным: по обе стороны простирались высокогорные луга, окаймленные осинами и соснами, покрытые снегом вершины Индейских пиков Скалистых гор вырисовывались милях в десяти к западу, а по ночам к югу от Флатиранов она могла видеть огни Боулдера и Денвера.

Они с Томом купили этот дом за год до развода, и, хотя все ее доходы уходили на погашение кредита, Кейт испытывала благодарность к бывшему мужу за идею присмотреть домик именно здесь. Само по себе это сооружение было большим и современным, но терялось на фоне скал и деревьев на горных склонах. Окна дома выходили на все четыре стороны, а с чудесной террасы можно было смотреть вниз, на Флатираны. И хотя жилая территория в шесть сотен акров насчитывала лишь несколько домов, путь к ней преграждали ворота, которые могли открыть только местные жители после того, как гость свяжется с ними по переговорному устройству. Посетители обычно приходили в изумление при виде грубой гравийной дороги, начинавшейся сразу за воротами, но все, кто жил здесь круглый год, имели полноприводные машины – только на таких можно было пробиться зимой по снегу на высоте в семь тысяч футов.

В то июльское утро, через неделю после разговора с Аланом, Кейт встала, пробежала свои обычные три четверти мили по извилистой дорожке за домом, потом приняла душ. Облачившись в нехитрый повседневный наряд, состоявший из джинсов, легких туфель и мужской белой рубашки – костюм или платье она надевала лишь для важных визитов или во время командировок, – Кейт позавтракала вместе с Джули и Джошуа. Джули Стрикленд, двадцатитрехлетняя студентка-выпускница, корпела в настоящее время над диссертацией, посвященной влиянию загрязнения окружающей среды на цветы трех видов, растущих лишь на альпийских лугах. С Джули Кейт познакомилась три года назад благодаря Тому: тогда девушка целое лето провела в его туристской группе, бродившей по наиболее труднодоступным горным районам Колорадо. Кейт почти не сомневалась, что Джули и Том в то лето некоторое время спали вместе, но почему-то ее это не волновало. Вскоре после знакомства они подружились. Джули оказалась уравновешенной особой, но заводной, эрудированной и забавной. В обмен на то, что она присматривала за Джошуа пять дней в неделю, Джули была предоставлена собственная комната в доме Кейт, площадь которого составляла пять тысяч квадратных футов. Кроме того, она без зазрения совести работала в отсутствие хозяйки на ее компьютере, свободно располагала временем в выходные дни для походов в поле, а также получала символическое жалованье, позволявшее ей покупать бензин для своего допотопного джипа.

Такой расклад вполне устраивал обеих женщин, но Кейт уже начинала с беспокойством подумывать о том, что к зиме Джули закончит свою диссертацию. Кейт всегда сочувствовала работающим матерям, вынужденным изыскивать возможности для присмотра за детьми в дневное время, а теперь и у нее самой возникла эта головная боль: кто же заменит Джули?

Однако в это прекрасное летнее утро, когда солнце уже раскинуло свои лучи над долинами и поднялось на востоке над вершинами гор, Кейт выбросила из головы все донимавшие ее мысли и, не торопясь, кормила Джошуа овсянкой.

Джули выглянула из-за половины «Денвер пост».

– На работу ты сегодня поедешь на «Чероки» или «Миате»?

Кейт едва сдержала улыбку. Она собиралась поехать на «Миате», но знала, как Джули любит носиться по каньону на красном роудстере.

– М-м-м... пожалуй, на джипе. Тебе ничего не надо купить, прежде чем ты завезешь Джоша в ЦКЗ? Услышав свое имя, ребенок заулыбался и начал греметь ложкой по подносу. Кейт вытерла кашу у него с подбородка.

– Я думала остановиться возле «Кинг-суперс» на Столовой горе. Так ты не против, чтобы я поехала на «Миате»?

– Не забудь поставить детское сиденье.

Джули скорчила гримасу, как бы говоря: «Не стоило напоминать».

– Извини, – улыбнулась Кейт. – Материнский инстинкт. – Она произнесла это в шутку, но тут же осознала, что не шутит.

– Джошу нравится открытая машина, – сказала Джули. Она взяла ложку и сделала вид, что хочет съесть его кашу.

Джошуа всем своим видом изобразил радость по этому поводу.

Джули взглянула на Кейт.

– Хочешь, чтобы я привезла его ровно в одиннадцать?

– Примерно, – ответила Кейт, посмотрев на часы и убирая посуду. – Мы зарезервировали оборудование для магнитно-резонансного исследования до часа дня, так что ничего страшного, если и задержишься на несколько минут... – Она показала на тарелку с недоеденной кашей: – Не возражаешь, если...

– Угу, – ответила Джули, шутливо подмигнув Джошуа. – Мы любим кушать вместе, верно, малыш? – Затем повернулась к Кейт. – А эта штука, которая магнитно-резонансная, ребенку не повредит?

Кейт задержалась у двери.

– Нет. То же самое, что и раньше. Просто картинки. – «Картинки чего?» – спрашивала она у себя в сотый раз. – Домой я его привезу вовремя, ко сну.

Спускаться по каньону на «Чероки» было не так интересно, как на «Миате», срезая углы, но Кейт настолько задумалась, что даже не замечала разницы. В офисе она первым делом попросила секретаршу ни с кем ее не соединять и дозвониться до Института Трюдо в Саранаке, штат Нью-Йорк. Это было небольшое исследовательское учреждение, но Кейт знала, что там провели несколько отличных работ по причинным механизмам клеточного иммунитета, связанного с лимфоцитной физиологией. Кроме того, она была знакома и с директором института Полом Сэмпсоном.

– Пол, – сказала она, миновав регистраторов и секретарей, – говорит Кейт Нойман. – У меня для тебя есть задача.

Она знала, что Пол питает слабость к разного рода головоломкам. Эта черта роднила его со многими исследователями в медицине.

– Давай, – откликнулся Пол Сэмпсон.

– У нас есть один ребенок восьми с половиной месяцев. Его нашли в румынском приюте. Физически он выглядит примерно на пять месяцев. Психическое и эмоциональное развитие вроде в норме. У него имеются перемежающиеся приступы хронического поноса, стойкий стоматит, некоторая задержка моторики, хронические бактериальные инфекции в сочетании с отитозной средой. Твой диагноз?

Ответ последовал без долгих колебаний.

– Ну, Кейт, раз ты утверждаешь, что это задача, то СПИД исключен. С учетом румынского приюта это было бы слишком просто. Значит, говоришь, что-то интересное?

– Так точно, – ответила Кейт. На поляну под окнами ЦКЗ вышло семейство оленей с белыми хвостиками и принялось пощипывать травку.

– Обследование сделано в Румынии или здесь?

– И там и тут.

– Отлично, тогда можно не слишком сомневаться в результатах.

Наступило молчание, сопровождаемое негромким звуком: Пол пожевывал свою трубку. Курить он бросил года два назад, но когда думал, трубка была при нем.

– А как насчет количества лимфоцитов и бета-клеток?

– Лимфоциты, бета-клетки, гамма-глобулин почти не регистрируются, – ответила Кейт. Записи обследования лежали у нее на столе, но ей не требовалось в них заглядывать. – Сывороточный альфа-глобулин и иммуно-глобулин М заметно понизились...

– Гм, – произнес Пол, – похоже на швейцарский тип гипогаммаглобулинемии. Печально... болезнь редкая... Но на задачку, пожалуй, не тянет.

Кейт посмотрела на оленя: он замер на месте, когда мимо него по извилистой дорожке проехал автомобиль к стоянке ЦКЗ, потом олень снова принялся щипать травку.

– Это еще не все, Пол. Я согласна, что симптомы напоминают тяжелый случай комбинированного иммунодефицита швейцарского типа, но содержание лейкоцитов тоже низкое... меньше трехсот на единицу.

Пол присвистнул.

– Странно. Я хочу сказать, что так называемый «детский» случай швейцарского иммунодефицита вполне банален. Но, судя по твоему описанию, у этого бедного румынского ребенка три или четыре типа комбинированного иммунодефицита – швейцарского типа, гипогаммаглобулинемия с лимфоцитами В и ретикулярная дисгенезия. Кажется, я еще ни разу не видел пациента больше чем с одним из этих проявлений. Сама гипогаммаглобулинемия, конечно, редкость, не больше двух с половиной десятков детишек во всем мире... – Перечислив эти очевидные вещи, он замолчал. – Что-нибудь еще, Кейт?

Она подавила желание вздохнуть.

– Боюсь, что да. У ребенка наблюдается значительный дефицит аденозиндезаминазы – АДА.

– Еще и это? – перебил ее врач на другом конце провода. Она услышала, как стукнули его зубы по чубуку, и представила страдальческое выражение его лица. – У бедняжки все четыре разновидности гипогаммаглобулинемии. Симптомы обычно проявляются между третьим и шестым месяцем. Сколько ему, ты сказала?

– Почти девять.

Кейт подумала об «именинном пироге», который Джули должна купить в «Кинг-суперс». Они ежемесячно отмечали «день рождения» Джошуа. Она жалела, что не хватало времени самой купить пирог.

– Девять месяцев... – задумчиво проговорил Пол. – Не пойму, как этот парень столько протянул... Он больше не вырастет.

Кейт содрогнулась.

– Таков твой прогноз, Пол? – Она отчетливо представила, как ее коллега устало выпрямился в кресле и положил свою трубку на стол.

– Ты же знаешь, я не могу делать прогнозы, не видя пациента и не проведя его обследование. Но, Кейт... чтобы присутствовали признаки всех четырех типов... Я имею в виду, что если бы только АДА, это уже само по себе... А делали гаплоидентичный трансплантат костного мозга?

– Близнеца у него нет, – тихо ответила Кейт. – Вообще нет ни братьев, ни сестер. Приют не смог отыскать даже родителей. Обеспечить тканевую совместимость невозможно.

Последовала секундная пауза.

– Что ж, можешь продолжать инъекции АДА для частичного восстановления иммунных функций. А еще – уколы фактора переноса и экстракта зубной железы. Недавно Маллиген,

Гросвелльд и другие провели работы по генной терапии. У них есть реальные достижения по выращиванию некоторых видов ретровирусов, вырабатывающих АДА...

Его голос прервался, и Кейт договорила за него:

– Но при наличии всех четырех типов гипогамма-глобулинемии шансов избежать появления смертоносных микроорганизмов, даже если генная терапия увеличит сопротивляемость, почти нет. Да, Пол?

– Но послушай, Кейт, ты же не хуже меня знаешь, что ребенку с таким букетом диагнозов достаточно одной инфекции... обычной ветряной оспы, кори с пневмонией Гехта, вируса цитомегалии или аденовирусной инфекции... да самой обычной простуды – и его нет. Их энтеропатия с потерей белка усугубляет проблему. Это все равно что смазать горку и скатиться по ней на воощенной бумаге.

Сэмпсон остановился перевести дыхание. Он был явно расстроен.

– Я знаю, Пол, – тихо проговорила Кейт. – И я тоже так делала.

– Что делала?

– Смазывала горку на детской площадке и съезжала на воощенной бумаге. – Она услышала, как он снова начал жевать трубку.

– Кейт, ты ведешь этого ребенка... лично, я хочу сказать?

– Да.

– Что ж, я бы возложил надежды на уже имеющиеся исследования по генной терапии и уповал на лучшее. В конце концов, можно попробовать бороться обычным методом восстановления иммунитета. Я передам по факсу все, что у нас есть по работе Маллигена.

– Спасибо, Пол, – сказала Кейт. Пока она не смотрела в окно, олень ушел в сосновый лес. – Пол, а что ты скажешь, когда узнаешь, что симптомы у ребенка носят периодический характер?

– Периодический? Ты имеешь в виду различия в степени тяжести?

– Нет, я имею в виду буквально периодический. Они появляются, достигают пика, а потом исчезают под воздействием собственных защитных механизмов организма ребенка.

На этот раз молчание длилось не меньше минуты.

– Аутоиммуногенное восстановление? Лейкоциты восстанавливаются с нуля? Поднимаются уровни лимфоцитов и бета-клеток? Уровни гамма-глобулина возвращаются в нормальное состояние у ребенка с гипогаммаглобулинемией при трех сотнях лимфоцитов на единицу? Без трансплантации гаплоидентичного костного мозга, без генной терапии ретровирусом АДА?

– Совершенно верно, – ответила Кейт, переводя дыхание. – Ничего, кроме переливаний крови.

– Переливаний крови?! – Его голос сорвался почти на визг. – До диагноза или после?

– До.

– Чушь какая-то, – произнес ученый. Кейт никогда не слышала от него ругательств или грубых слов. – Полнейшая чушь. Во-первых, аутоиммуногенное восстановление может быть только в комиксах. Во-вторых, любая живая вакцина или переливания необлученной крови до диагноза почти наверняка должны были погубить его... не говоря уж о том, чтобы дать какое-то волшебное исцеление. Ты же знаешь, что может случиться после аллогенического переливания: летальный исход в результате отторжения организмом трансплантата, гангренозная генерализованная вакцинция... Да какого черта я все это перечисляю – ты сама знаешь, что будет. Здесь что-то не то... или неверный диагноз со стороны румын, или полный провал теории о Т-лимфоцитах, или еще что-то.

– Да, – согласилась Кейт, зная о достоверности исходной информации. – Извини, Пол, что отняла у тебя столько времени. Просто я во всем этом, кажется, немного запуталась.

– Нечего скромничать. Если кто-нибудь в этом и сможет разобраться, то только ты, Кейт, – заключил Сэмпсон.

– Спасибо, Пол. Я тебе скоро позвоню. – Она положила трубку и посмотрела на опустевший луг. Два часа спустя, когда вошла секретарша и сказала, что приехала Джули, Кейт так и сидела, глядя в окно.

После пятнадцати лет работы врачом Кейт считала, что нет более печального зрелища, чем маленький ребенок в окружении современного медицинского оборудования. А теперь, уже в качестве матери, наблюдающей за своим собственным малышом, оказавшимся во власти острых иголок, устрашающего вида аппаратов и прочих медицинских атрибутов, она сочла картину еще более угнетающей.

Джули появилась на пороге зареванной и все время извинялась. Прошло несколько минут, прежде чем до Кейт дошло, что случилось. Девушка на секунду оставила Джошуа без присмотра на переднем сиденье «Миаты» – «пока я укладывала именинный пирог в эту красивую коробочку», – и ребенок вывалился, ударившись лбом о центральную стойку. Крови было немного, Джошуа уже не плакал, но Джули все никак не могла успокоиться.

Кейт утешила ее, сказав, что ссадина совсем маленькая, хотя шишка должна вздуться порядочная, после чего устроила небольшую суматоху, в которой приняли участие Джошуа, Джули, секретарша Кейт Арлин, сосед по офису Боб Андерхилл – один из ведущих специалистов в мире по наследственной несфероцитозной гемолитической анемии – и его секретарь Кэлвин. Причиной суматохи стали поиски какого-нибудь антисептика и бинта. Кейт показалось забавным – да и Джули начала хихикать сквозь слезы, – что они находятся в Центре по контролю за заболеваниями в Скалистых горах, исследовательском учреждении стоимостью в шестьсот миллионов долларов, с оснащенными по последнему слову техники медицинскими лабораториями и уникальным диагностическим оборудованием... и не могут отыскать меркуро-хрома или перевязочных бинтов.

Наконец они нашли какой-то аэрозольный антисептик и пластырь в офисе главного администратора (тот был заядлым бегуном, но при этом часто падал), Кэлвин раздобыл для Джошуа конфетку, Джули ушла немного повеселевшей, а Кейт отнесла ребенка вниз, в располагавшийся в подвале центр визуализации.

Когда центр переехал в здание НЦАИ, доктор Моберли – главный администратор и специалист в области эпидемиологии – решительно возражал против установки магнитно-резонансной аппаратуры в том же здании, где на втором этаже располагались два компьютера «Крей», краса и гордость ЦКЗ. Моберли и другие знали, что на заре магнитно-резонансных исследований ошибки в экранировании приводили к тому, что переставали ходить наручные часы, а на улице глохли автомобили. Во всяком случае, так гласило предание. Доктор Моберли не хотел подвергать риску компьютеры, на приобретение которых ушла значительная часть бюджета ЦКЗ в Скалистых горах.

Алан Стивенс и другие инженеры убедили администратора в том, что электронным мозгам нет никакой угрозы со стороны магнитно-резонансной и томографической аппаратуры. Алан показал, как оборудованный в подвале центр визуализации можно полностью изолировать от остального мира, сделав буквально комнату в комнате. Поскольку доктор Моберли все еще сомневался, Алан привлек патологов и ребят из биологической лаборатории, которые с пеной у рта доказали, что магнитно-резонансная и томографическая аппаратура хотя и не является предметом первой необходимости для пациентов, но крайне нужна для работы с трупами как людей, так и животных – чем в основном и приходилось заниматься отделению патологии и биологической лаборатории. Моберли согласился.

Алан встретил Кейт в подвальной лаборатории центра визуализации. Джошуа уже бывал здесь и не испугался, хотя на этот раз его подстерегала неприятная неожиданность в лице медсестры Тери Хэллоуэй с катетером и иглой. Малыш отчаянно вопил, пока в его худенькую ручонку вводили иглу. Кейт старалась сдерживать эмоции. Она и сама могла бы сделать переливание, но у Тери рука была легче. Как и следовало ожидать, Джошуа вскоре затих и спокойно

лег на спину, хлопая глазами. Алан и Кейт прочно закрепили его голову подушками и широкой лентой примотали ручки к столу. Зрелище было малоприятным, но они не могли позволить, чтобы он вертелся во время томографического обследования: это могло привести к смещению устанавливаемых Тери биосенсоров, непрерывно следящих за физиологическими изменениями.

Пока шли приготовления, Кейт наклонилась к Джошуа и попробовала отвлечь ребенка, играя и разговаривая с его любимой мягкой игрушкой, одноглазым медвежонком Пухом. Он почти не заметил, как Тери проколола ему палец для первого из многочисленных анализов крови. Сестра кивнула Кейт, улыбнулась Джошуа и поспешила в соседнюю лабораторию.

В конце концов Кейт положила Пуха рядом с сынишкой и вышла, закрыв за собой массивные двери. Она направилась в аппаратную к Алану, где стояли мониторы.

– Насморк от крика или опять грипп? – спросил Алан.

– Уже три или четыре дня, – ответила Кейт. – Да еще и диарея возобновилась.

Алан кивнул и показал на датчик биосенсора:

– Температура у него приближается к ста градусам⁴. И взгляни на результаты первого анализа, который взяла Тери.

Информация из лаборатории передавалась напрямую в контрольное помещение МР/КТ обследования. Согласно первому анализу, у Джошуа обнаружился характерный для гипогаммаглобулинемии недостаток белых кровяных телец, а также хрестоматийное падение уровня лимфоцитов, бета-клеток и гамма-глобулина. Более того, увеличилось количество печеночных ферментов и появились признаки электролитического дисбаланса.

⁴ По Фаренгейту (100°F = 37,8 °C).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.